

Дмитрий Дурнев

Герои моего времени

Дмитрий Дурнев

Герои моего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448837

ISBN 9785448516061

Аннотация

В России начала 21-го века молодые люди по-разному старались устроить свою жизнь. Одни упорно пытались реализовать свою детскую мечту, например, стать педагогом в школе небольшого провинциального городка. Другие, подстраиваясь под реалии, диктуемые жизнью, «штурмовали» Москву, рвались в большой бизнес. Третьи – уходили в криминал. Четвертые – жили, как придется, почти что «дети цветов». Пятые, шестые, седьмые... Жизнь каждый понимал по-своему. Жить пытались по-разному. Получалось, но не у всех. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Герои моего времени

Дмитрий Дурнев

© Дмитрий Дурнев, 2017

ISBN 978-5-4485-1606-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Лекторий построен по типу амфитеатра и кажется Денису огромным – отсюда, с арены, в центре которой он сейчас стоит. Сколько же раз он уже стоял здесь? Не вспомнить, не сосчитать. Зато отчётливо вспоминается ему и удивляет, что раньше не замечал он такого простора. Да и чувствовал себя совсем иначе, даже, когда вызов преподавателя заставлял его врасплох. Ерунда, дело житейское! А вот сейчас Денис волнуется. Лица сидящих в амфитеатре однокашников «плывут» в его глазах, кажутся смазанными. Сердце учащённо стучит в висках, в груди ощущается холодок, в коленях – лёгкая слабость.

– Держите, Стрельников! – произносит декан, вручая ему тонкую книжицу в твёрдом переплёте. Обложка синяя, на ней рельефно государственный герб. – Поздравляю! – Декан протягивает руку для рукопожатия.

Денис принимает его ладонь в свою.

р— Счастливого плавания в бурном море под названием «Жизнь», – так декан напутствует каждого, кто выходит сегодня на арену амфитеатра, чтобы получить диплом. – Ни пуха, ни пера!

– К чёрту, – отвечает Денис, помедлив.

Сунув диплом в подмышку, разворачивается на каблуках и идёт к лестнице, ведущей к самому верху лектория. А декан за его спиной уже вызывает следующего счастливого обладателя свидетельства об успешно или не очень пройденном обучении в университете. На этот раз им является Лёха Одинцов. В пижонистом нежно-кремовом костюмчике, звонко цокая каблуками лаковых туфель, он сбегает по ступеням. На бегу кончиками пальцев поправляет галстучный узел. Пропуская его, Денис останавливается, взяв диплом в руки, пальцами пробует обложку на прочность, как бы проверяя не сон ли всё это. Пальцы подтверждают – не сон.

– Синий диплом, зато красная морда! – Этими словами встречает Дениса его приятель и сосед по комнате Виталик Коробейников. Свой диплом он уже получил: лежит перед ним такой же синий и гербастый.

– Угу, – соглашается Денис, садясь рядом на скамью.

– Не забыл: сегодня вечером у Наташки на даче! – напоминает Виталик. – Все наши из группы будут!

– Угу, – подтверждает Денис односложно. Он всё ещё в легкой прострации. Пять лет... Целых пять лет позади! Пять лет лекций, семинаров, зачётов и экзаменов. Ты вечно что-то кому-то должен: сделать, объяснить, ответить, сдать. Конец. Всему этому конец! Впереди жизнь. Это хочется записать где-нибудь огромными золотыми буквами: ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ!

– Му-му, – пародирует Виталик, ухмыляясь.

Но Денис не слышит. Пытается осознать и осмыслить случившееся с ним только что.

– Эй! – этот оклик на пару с толчком в плечо выводит его из задумчивости. – Ты тут ночевать собрался? – осведомляется Виталик.

Вздрагнув, Денис обводит взглядом лекторий. Он стремительно пустеет: к выходу плотной толпой тянутся вчерашние студенты, а теперь – выпускники ВУЗа.

– Погнали! – Виталик легонько подталкивает его, заставляя подняться со скамьи. – Я тут по делу заскочу, – сообщает уже по пути к дверям. – А потом сразу к Наташке. Ты часам к шести подтягивайся, поможешь, лады?

– Конечно.

...Беседка увита диким виноградом. Переплетаясь, стебли образуют её крышу и стены. За ними ночь. Веселье улеглось, гости в своём большинстве уже расползлись: кто по домам, а кто и по периметру дачного участка. Откуда-то из его недр доносятся обрывки несвязной речи. Под крышей беседки тлеет слабенькая лампочка – ватт на шестьдесят. Вокруг неё кружит бледная, почти прозрачная, ночная бабочка. Если бы здесь были дамы, обстановка вполне могла бы быть интимной, но в их отсутствие она больше смахивает на заговорщицкую. Трое молодых людей сидят на раскладных стульях вокруг добротного дощатого столика. Лица их серьёзны, сосредоточенны. На столике пара бутылок коньяка, на-

резанные ломтиками ветчина и хлеб. Тут же – поломанная на кусочки плитка шоколада.

– Ну что, за успех? – произносит Виталик, подняв пластиковый стаканчик, на треть наполненный коричневым, терпко пахнущим напитком.

– За успех! – вторит Серёга Красинский, привычно мазнув пальцем по переносице. Этот жест у него появился с тех пор, как ему в общажной драке группа на группу слегка свернули на бок нос.

Серёга – давний приятель Дениса. Знакомы со школы. После школы учились в разных ВУЗах, но поддерживали дружеские отношения: ходили в походы, на дискотеки, короче, приятно проводили время. А для Виталика Сергей – партнёр по бизнесу. Познакомились они именно через Дениса на последнем курсе. Сразу и подружились – у обоих в наличии ярко выраженная предпринимательская жилка, напористый характер, в общем, два сапога – пара. Скооперировались и занялись торговлей. Сначала по мелочи, а потом и по-серьёзнее дела проворачивать стали. В итоге открыли свою контору: пока ещё не большую, но, судя по всему, перспективную.

– За успех, – присоединяется Денис, и они выпивают.

– Я тебе говорю, Дениска, подключайся, – произносит Серёга, зажевав коньяк шоколадом. – Дело верное, раскрутимся.

– Да плюнь ты на него, Серый! – бросает в сердцах Вита-

лик. – Я уже полтора месяца его уламываю. А он всё «в школу, да в школу». Задолбал! Не, ну не осел?! Мы ему такое предлагаем, а он... – Виталик хлопает ладонью по колену и, недовольно поморщившись, отворачивается.

Но Сергей не оставляет надежду убедить приятеля:

– Динь, ну, сам подумай! – говорит он, не отрываясь глядя Денису в лицо. – Что тебе даст твоя школа, чего ты там добьешься?

– Посмотрим, – отвечает Денис.

– На что ты смотреть собираешься?! – встревает Виталик. – На зарплату в пять копеек?!

– погоди! – притормаживает его Сергей.

– Баран упёртый, – цедит Виталик сквозь зубы. – Ему добра желают...

– Ты чего вообще от жизни хочешь? – спрашивает Сергей.

Денис пожимает плечами, на мгновение задумывается, уронив взгляд под ноги.

– Чтоб не хуже чем у других. Семья, ребёнок, наверное... – произносит негромко.

– Ребёнок! – восклицает Виталик. – А жить ты где будешь с ребёнком и семьёй, а? И на что жить, на учительскую зарплату?! Ты не знаешь, сколько учитель получает? Тебе объяснять надо, что тебя ждёт? Или ты на практике не был, не посмотрелся на всю эту жизнь? Чего из себя героя корчишь? Ну да, получил такое образование, но зачем жизнь свою гробить, педагог ты наш, а? Диплом в карман поло-

жил и адью! Вон смотри, как нормальные пацаны устраиваются! На нас посмотри, на Лёху Одинцова! Малый вообще с итальянами СП замутил. Сейчас такие бабки ему попрут. А ты... Ты на что жизнь хочешь потратить?

– Разберёмся, – произносит Денис всё так же тихо.

– Разберётся он, – вздыхает Виталик. Откидывается на спинку стула. Прогибаясь, она издаёт жалобный скрип – Не, Серый, я умываю руки. В школу, так в школу!

От «Ярославского» поезд отошел в 8:30, с получасовой задержкой. Локомотив коротко гуднул, дёрнул, дребезжащая дрожь пробежала от головы к хвосту состава, и потянул за собой вереницу вагонов. Денис в десятом, купе третье. Здесь ему предстоит провести чуть меньше суток. Соседей по купе ему почему-то не досталось и, наверное, к лучшему. Отдыхай в одиночестве, слушай стук колёс, наслаждайся дорогой: хочешь – спи, хочешь – раскинувшись на полке, уставься пустым взглядом в потолок и ни о чём не думай, хочешь – разглядывай законный пейзаж. Никто не помешает. Денис сидит, упершись локтями в откидной столик и подперев подбородок кулаками, разглядывает свои съестные припасы. На столике перед ним две полторашки с минералкой, палка дешевой сухой колбасы в целлофановом пакете и батон. На ужин, обед и завтрак. А ещё можно у проводника

попросить чаю. Есть Денису не хочется, хотя со вчерашнего вечера и крошки во рту не было.

За окном купе исчезли перрон с провожающими и здание вокзала, теперь открыт вид на шоссе, по которому, погрязая в пробке, всё медленнее ползут машины. Пятница. Потому автомобильные потоки в обоих направлениях плотные: в город авто тащат хозяев на работу, из города – на дачи. Сразу за шоссе вереница высоток, окутанных облаками автомобильных выхлопов. Сквозь них проглядывает блеклое и почему-то кажущееся безнадежно больным и донельзя усталым солнце. Обычное столичное утро.

До свидания... Прощай Москва.

А где-то там впереди – пока ещё далеко-далеко, но с каждым ударом сердца всё ближе и ближе – дом. Что там и как? Так вышло, что Денис не был дома почти год. Звонил, конечно, спрашивал у матери, как чувствует себя отец, как его ноги, встанет ли или так и будет лежать. Нет, об этом лучше даже не думать. Не старик ведь, ещё два года назад крепкий, моложавый мужик. Несчастье. Спрашивал, естественно, и про бабушку Соню. «Лучше всех», – отвечала мать. Пенсию ей, говорила, солидно прибавили. Теперь вот отцу, своему зятю, на лечение помогает деньгами. Добрый, душевный и безотказный она человек.

«Ничего, разберёмся, – думает Денис. – На ноги поставим...»

Стук в дверь купе отвлекает его от мыслей о доме. Дверь

приоткрывается, и в образовавшуюся щель просовывается взъерошенная мужская голова. Близоруко щурится, издаёт:

– Извините.

И исчезает.

– Ничего, – произносит Денис задумчиво. То ли в ответ, то ли в продолжение своих мыслей.

Разувшись, укладывается поудобнее на бок. Подкладывает ладони под щёку и почти моментально засыпает.

...Кто-то смотрит на него. Пристально, колюче. Это Денис понял, вернее, ощутил ещё во сне: стало неудобно, в груди образовался угловатый ком, заворочался. Глаза Денис приоткрыл медленно и лишь на чуть-чуть, чтобы не выдать своё пробуждение. Сквозь сеточку ресниц разглядел сидящего напротив мужчину. Молодого. Небритого. В джинсах и майке. Руки скрещены на груди, и на обеих синеют наколки. У ног мужчины лежит тощая спортивная сумка.

Чего уставился, что задумал? – беспокойно заворочалось в Денисовом сознании. – И ещё наколки. Уголовник, что ли?

А мужчина продолжает разглядывать его.

Поезд стоит, значит, какая-то станция... – соображает Денис. – Он только что подсел или уже давно едет со мной? Хотя, какая разница?.. И что теперь мне делать: дальше изображать спящего или «проснуться»? В конце концов, а чего я так разволновался? Ведь в вагоне я не один! Если что... Да и вообще, я его боюсь, что ли?

Состав вздрагивает, заставляя Дениса качнуться на полке,

и трогается с места.

Денис полежал ещё пару минут, прислушиваясь к убыстряющемуся стуку колёс, и разлепил веки. Изображая пробуждение, щурится, трёт лицо ладонями. Свешивает ноги с полки, нащупывает ступнями ботинки. Уселся. Встречается взглядом с новоприобретенным попутчиком. Тут ему будто горсть песка в лицо швырнули – в глазах появилась невыносимая резь, вот-вот слёзы брызнут. Он выдерживает всего лишь несколько секунд этой пытки и отводит взгляд. Чтобы сгладить неловкость момента, сворачивает крышку с полторашки, пьёт мелкими глотками, стараясь подольше растянуть паузу. Да и горло сильно пересохло, першит. Напившись, отворачивается к окну. За ним проносится смешанный лес: толстые разлапистые ели величаво возвышаются над чахлыми берёзками с блеклой желто-зеленой листвой.

А попутчик потянулся к полторашке – видно Денису в отражении оконного стекла, – бесцеремонно приложил горлышко к губам, и на тощем его горле противно задёргался кадык. Денис брезгливо морщится, и только собрался выразить своё возмущение, как слышит вопрос:

– Ну что, не узнал?

Вопрос ставит Дениса в тупик. «Проглотив» возмущение и посчитав, что ослышался, он продолжает смотреть в окно, но на всякий случай произносит:

– Не понял...

Попутчик отхлёбывает ещё минералки. Повторяет:

– Не узнал меня?

– Вас?

– Ну!

Обернувшись, Денис отвечает:

– Нет.

– А вот я тебя сразу. Изменился, ты конечно... – прищуривает левый глаз и добавляет: – Дениска.

Услышав своё имя, Денис передёрнул плечами – так необычно прозвучало оно из уст этого по всем признакам прошедшего не один год за решеткой человека.

– Точно не признаёшь? – продолжает попутчик.

Денис мотает головой. Ну откуда ему знать его? Привязался же!

– А когда-то другом называл.

– Вы меня с кем-то путаете...

– Ну, это вряд ли, – усмехается уголовник. – Денис Стрельников, вот кто ты! – сообщает довольно. – Денис Евгеньевич.

На Дениса нападает оторопь. Щёки его бледнеют, губы вздрагивают.

– Но... откуда... вы... – произносит он сбивчиво.

– Ну, присмотришь получше, – уголовник поворачивается к нему левой щекой, затем правой.

Денис разглядывает, старается припомнить, но не выходит... Ну, не знает он этого... деятеля!

– Школа, сосед по парте... – подсказывает уголовник. –

Вспоминай!

Ярик?! – мысленно удивляется Денис.

Бросает взгляд на исколотые руки, потом на щетинистое лицо.

Ну да, его же посадили. Через два дня после выпускного по пьянке вляпался. Неужели он?

– Ярик?! – выдыхает Денис.

– Угу, – бурчит уголовник, а физиономия его расплывается в кривой улыбке. – Ну, здорово, что ли? – тянет исколотую пятерню.

Она оказывается мозолистой и твёрдой, как кирпич.

– Надо бы обмыть встречу!

Из сумки Ярослав достаёт пол-литровую бутылку водки, следом – вторую, ноль-семь.

– Гляжу, закуска у тебя имеется, – кивает на Денисовы припасы.

– Угу.

Из бокового кармашка сумки Ярославом незамедлительно извлекается нож-бабочка.

– Режь!

Вручив нож Денису, Ярослав зубами срывает пробку с поллитры. Вдыхает резко и одним глотком опорожняет её на треть. Как лимонад, даже не поморщился.

– Твоя очередь! – произносит он, утерев губы предплечьем.

Кивнув, Денис лезет в багажный отсек под сиденье. Яро-

слав прищуривается. Упёршись ладонями в колени, привстаёт. Нависает над Денисом, пытаясь заглянуть ему через плечо.

– Ты чего? – спрашивает тихо.

– Кружка...

– Ха! – усмехается Ярик. Плюхнувшись на сиденье, он откусывает кончик от палки колбасы и принимается жадно жевать.

Кружка где-то на самом дне сумки. Денису приходится вытряхнуть почти всё её содержимое. Бережно, чтобы не повредить, он выкладывает на стол диплом.

– Ух ты, – комментирует Ярослав. – Получил, значит.

– Угу.

Вытерев руки о штаны, Ярослав берёт документ и, раскрыв, вслух читает название ВУЗа и специальности.

– Педагог, – резюмирует. – Диплом, значит, – добавляет негромко, – о высшем, значит, образовании. Подумать только...

Не окончив фразу, из заднего кармана джинсов он вытаскивает сложенную вдвое бумажку.

– А мой вот он! – припечатывает её ладонью к столу. – Справочка моя драгоценная! Я свой срок до конца отсидел, отмотал по таёжным делянкам, снег читал мне УК, ветер вальсы мне пел... – декламирует с изрядной долей пафоса в голосе. – И куда ты со своим, педагог? – спрашивает, прищурившись.

– А ты со своим? – отвечает Денис вопросом.

– Ну, уж точно не в школу! – хохочет Ярослав. – К братве пойду, посмотрю, что предложат...

До боли знакомая дверь второго подъезда пятиэтажной хрущёбы скрипнула так же до боли знакомо. Край глаза уловил на её внутренней стороне выцарапанное «Денис + Таня». Да, это он выцарапал.

Лет... Сколько же лет назад? Выходит, девять.

В подъезде пахнет борщом, кошками и сыростью. Придерживая на плече ляжку сумки, Денис поднимается по лестнице. На площадке между первым и вторым этажом между стёклами фрамуги причудливый узор паутины. На лестничной клетке третьего только-только кто-то курил: в воздухе висят густые клубы табачного дыма. А на четвертом ступени недавно вымыты: ещё влажные. Четвёртый – его этаж.

С десятков секунд Денис размышлял: открыть своим ключом или позвонить? Переминался с ноги на ногу, в кармане брюк перебирал ключи на связке. Дом. Отвык он уже от дома. Пять лет в общежитии, а сюда – на месяц-полтора летом, да зимой на Новый Год на недельку, если получалось.

Всё же решил открыть сам.

Из кухни в прихожую тянет чем-то вкусным. Готовятся родители встретить сына. Ждут. Мать наверняка затея-

ла пельмени собственного приготовления. Весь вечер, наверное, лепила. От мысли о пельменях в желудке заурчало. Со вчерашнего дня не ел. Колбасу под водку они уговорили в момент. Что такое палка сухой колбасы для двух здоровых парней? Потом пили чай с хлебом.

Разувшись, Денис прошел в свою комнату. Там идеальная чистота и порядок. На письменном столе, рядом с древним первым «пеньком», фотография в простенькой рамке: улыбающаяся школьница. Татьяна, Танька, Танюшка... Первая любовь. Где она сейчас?

Денис ставит сумку на пол у платяного шкафа, садится на кровать. Она стоит вдоль окна. Маленьким он любил допоздна, усевшись в кровати и укутавшись в одеяло, разглядывать двор: летом зеленели тополя, копошились в листве галки; зимой у подслеповатых фонарей таинственно кружили снежинки.

– Сынок... – голос матери отвлекает его от воспоминаний.

Она стоит на пороге. Ещё чуть-чуть постаревшая от забот. Совсем немного. Но сыновний глаз ухватил эти изменения. Тяжело ей. И раньше непросто было, а сейчас... Когда с отцом такое... Ну, ничего, всё образуется.

– Ма... – произносит он тихо.

– Отец! Сын приехал! – восклицает она, прижав ладони к груди.

...Они сидят за большим обеденным столом, по случаю

праздника установленным в зале. Приглушенно светит люстра, тихонько бурчит о чём-то телевизор на старомодном массивном комоде красного дерева. За приезд уже выпито. Отец наливает по второй. Он гладко выбрит и коротко подстрижен – почти что под «ёжик». Так седины почти не заметно. Под глазами тени – не спит ночами. Бессонница навалилась, когда отказали ноги. Переживает. Всю ночь на кухне мастерит из бересты и дерева поделки. А на выходных просит вывезти его на рынок, там ими и торгует: не может он так, чтобы не было от него в доме никакого дохода, а лишь одни убытки на лечение. От отца пахнет одеколоном и табаком.

– Ну, сын, – произносит он, подняв стопку. – Отучился, значит. А, мать, ведь отучился! – улыбается широко. – Не зря, значит, мы с тобой жили. Вот, сын человеком стал. Не то, что мы с тобой. А? Ведь так?!

– Так, – соглашается мать.

– То-то и оно!

– Устроился бы теперь, – говорит мать, украдкой взглянув на Дениса.

– Устроится! – отец хлопает Дениса по плечу. Затем легонько стучает краешком своей стопки по Денисовой. Выпивает. – Ведь так, сын? – спрашивает, закусив пельменем, обмакнутым в томатный соус.

– Устроюсь, – кивает Денис. – А бабушка почему не пришла? – спохватывается запоздало. – Звали?

– А то как же?! – брови отца изгибаются, съезжаясь к пе-

реносице, выражая явное удивление. – Да только дело у неё какое-то важное сегодня, – пожимает он плечами. – Ты ж её знаешь, на месте никогда не сидела, – он улыбается, легонько покачивая головой. – Вот и теперь всё бегают по делам: то о пенсии хлопочет, то ещё о чём-то. Завтра, может, заскочит. А ещё лучше, сам к ней зайди.

– Угу, – бурчит Денис с набитым ртом.

На какое-то время все они умолкают. Отец медленно и сосредоточенно жуёт, Денис прислушивается к бубнению телевизора – рассказывают о каком-то церковном празднике, мать думает о чём-то своём.

– Ну, наливай третью, что ли, отец, – говорит она, наконец. – А то сидим, как на поминках.

Наблюдая за тем, как отец наполняет стопки водкой, она как бы невзначай объявляет:

– Татьяну твою на днях встретила. Не забыл ещё? – спрашивает, улыбаясь лукаво. – Помнишь, отец, как он в детстве за ней бегал?

Отец деликатно молчит, делая вид, что сосредоточен распределением водки по стопкам.

Щёки Дениса заливаются лёгким румянцем.

– Училище она закончила, теперь вот в аптеке работает фармацевтом, – продолжает мать. – Признала меня. «Привет, тетя Галь, как дела, как здоровье?» Улыбается. Цветёт вся. Про тебя, кстати, спрашивала. Мол, как там Денис, что делает? Я ей и говорю, что отучился мол, диплом получил.

А она: «В Москве, наверное, работать останется?»»

– Мать! – произносит отец, резко кашлянув. Взгляд его суров. – Ты это... – трёт ладонью подбородок. Видно, хочет, что-то сказать, но, похоже, не считает удобным при сыне. Помолчав, ворчит: – То ей наливай, а то болтовню на полчаса развела.

– А что я такого сказала? Так, просто... Подумаешь, поинтересовалась девчонка, где парень работать будет...

– Мать!

– Ой, ну, ладно, ладно, – произносит она примирительно. – Погляди-ка, Денис, какой отец у нас сегодня строгий. К чему бы, а? – качает головой. – Так что ж это мы? – спохватывается, суетливо подхватывает стопку. – Ну, давайте, что ли, выпьем. Вы-то ещё посидите, а я пойду, прилягу, на дежурство мне в ночь. Да, Дениска, ты вечерком-то к бабушке загляни. Ждёт небось...

...Мать ушла в спальню, а Денис с отцом остались для продолжения банкета. Денис жуёт, налегает на домашние разносолы. А отец к еде не притрагивается. Задумчив. По лбу его гуляют складки. Губы едва заметно движутся, словно беззвучно говорит о чём-то.

– Вот что, сын, – произносит он, наконец, вслух, – скажи мне, что делать собираешься.

Положив вилку на край тарелки, Денис сообщает:

– На работу устраюсь.

– Куда, если не секрет.

– В школу хочу попробовать.

Отец награждает его долгим пристальным взглядом.

– В свою, что ли, в первую? – уточняет.

– Ну да, попытаюсь. Не возьмут, тогда во вторую пойду.

Отведя взгляд, уперев его в стол, отец говорит:

– Значит, учителем будешь.

– Ага.

– Что ж... Нужно дело. Полезное.

Наполнив две стопки водкой, отец поднимает свою.

– Ничего, сын, прорвёмся. А мать... Ты на неё внимания не обращай. Своим умом живи. Жизнь, она всё на свои места расставит.

...К семи часам вечера, Денис вдоволь насиделся за праздничным столом, наобщался с отцом и даже успел вздремнуть в своей комнате. А в начале восьмого отправился к бабушке. Живёт она в частном секторе, на противоположном конце города. Дом её виден издали: барачного типа, длинный и приземистый, крыт черепицей и обнесен невысоким дощатым забором. Над крышей высокая печная труба. На фоне свежесмытых стен выделяются ярко-синие резные наличники. Когда-то был он на две семьи, но лет десять назад хозяева второй половины переехали к детям в Москву, и дом целиком отошел бабушке.

Денис подходит к калитке, дёргает за ручку. Закрыто.

– Что, нет Петровны? – звучит у него за спиной дребезжащий старушечий голос.

Обернувшись, Денис видит перед собой пухлую бабулю не по-летнему укутавшуюся в потрёпанного вида осеннее пальто до пят. Из-под его полы торчит носок валенка.

– Нет, – отвечает Денис.

– Всё ходит где-то, – ворчит бабуля, теребя кончик вязанного шерстяного платка, покрывающего её голову. – Ходит... Никогда не застанешь. И что у неё за дела такие? – вопросительно смотрит на Дениса.

Тот пожимает плечами.

– А ты, стало быть, внук?

– Ага.

– Помню-помню... Вот такусенький был, – ладонью бабуля отмеряет на уровне пояса. – Помню, конфеты любил... «Алёнка», «Мишка косолапый», чтобы шоколадные, значит. Придёшь ко мне: «Баб Дусь, конфету дай!».

Денис пытается припомнить описываемые бабулей события, но не выходит.

– А я тебе, – продолжает бабуля тем временем, – «Нету конфет». А ты мне серьёзно так: «Не приду больше!» Ну что тут поделаешь? – смеётся она жиденьким старческим смехом.

Посмеявшись, она прикрывает глаза и принимается беззвучно жевать губами и легонько покачивать головой. Продолжается это так долго, что Денис уже начал сомневаться: не заснула ли она? Наконец, бабулины глаза приоткрываются, а губы, пожевав ещё немного, выдают:

– Однако ж, где это бабка твоя шлындает? Неугомонная. Хотела я у неё «Пирацетамом» разжиться, да видно не судьба. Пойду. Ежели дождешься, скажи, баба Дуся заходила. Утром ещё зайду. Пораньше, чтобы застать.

Неуверенно потоптавшись на месте, она уходит тяжёлой шаркающей походкой. А Денис, дождавшись, пока она скроется из вида, в один приём перемахивает через забор. Не успевает он приземлиться по ту его сторону, как слышит окрик:

– Эй! Это кто там безобразничает?! Сейчас милицию позову!

Денис узнаёт бабушкин голос.

Отперев калитку, он спешит выглянуть за забор, показать бабушке на глаза, а то ведь она такая: сейчас шум поднимет.

– А! Вот это, значит, кто пожаловал! – произносит бабушка, близоруко шурясь. Лицо её озаряет улыбка. – А я уж было подумала, вор забрался.

– Привет, ба! – приветствует её Денис. – Баба Дуся к тебе заходила только что. Завтра ещё придёт.

– Хотела чего? – осведомляется бабушка, проходя в калитку, всё ещё улыбаясь. Денису кажется, будто улыбка её глубоко завязла в морщинах, на щеках и вокруг глаз, и не в силах вырваться.

– «Пирацетам» какой-то. Сказала, что завтра утром придёт.

– Ну, пусть приходит. Выходной у меня завтра...

– В смысле? – удивляется Денис. – Ты что, на работу устроилась?

– Да ну, что ты, что ты! – скороговоркой сыплет бабушка. – Это я так... – на пару секунд она запинается. – Просто никуда завтра не пойду, вот и всё. Какая там работа? Наша работа теперь стариковская – на печи сиди, семечки лузгай.

От калитки по выложенной красным кирпичом тропинке они идут к крыльцу. По одну сторону тропинки клумба с цветами, по другую – картофельная плантация.

– Картошка в этом году уродится хорошая, – сообщает бабушка на ходу. – По всем приметам. Ежели погода не подведёт, конечно. Вон какая растёт, одно загляденье. Выкопать-то сможешь?

– А то!

– Лучше уж тебе заплачу, чем постороннего нанимать...

– Ба, какие деньги?

– Самые обыкновенные. Иль не найдёшь куда потратить? – лукаво интересуется бабушка, ступив на крыльцо через пару невысоких растрескавшихся ступенек.

– Были бы деньги...

– То-то и оно... – тихо произносит бабушка, ворочая ключом в навесном замке. Замок массивен, чем-то скрежещет в своём нутре.

Запах этого дома Денису ни с чем не спутать: старое дерево, луковичная шелуха, соленья, высушенные травы и что-

то ещё тонкое-тонкое, дразнящее-сладкое. Как только раскрылась дверь, всё эти ароматы разом ударили ему в ноздри. Даже слегка голова закружилась.

Через просторную прихожую по древним, тканым в ручную дорожкам они прошли в большую комнату. Там всё, как всегда: в центре длинный стол и приставленные к его бокам стулья; у стен старинная мебель ручной работы; на подоконнике за полупрозрачными шторами горшки с цветами.

– Сейчас ужинать будем, говорит бабушка, облокотившись на спинку стула, – только отдышусь немного и что-нибудь соображу.

– Ба, я не хочу. Целый день за столом...

– Ну, чаю-то со мной выпьешь?

– Чаю выпью.

Спустя минут пятнадцать-двадцать на столе появился пышущий жаром электрический самовар, по-старинке увенчанный заварочным чайником, чашки, блюдце с вишнёвым вареньем и тарелочка с сушками. С неожиданно нахлынувшей теплотой Денис вдруг вспомнил, как когда-то, когда ещё был жив дед, они собирались здесь всей семьёй и пили чай. Правда, самовар был настоящий, с дымком. Дед долго и тщательно топил его на крыльце, а Денис, сидя рядом на ступеньке, запоминал, что и как нужно делать. После ухода деда и до недавних пор топил самовар отец. А когда заболели ноги и тяжело стало ходить к теще на чай, той пришлось приобрести самовар электрический. Без самовара чаепитие она

не представляет: «Баловство одно», – говорит.

Действуя не спеша, размеренными, отточенными годами движениями бабушка наливает заварку в чашки, разбавляет кипятком. Денису невольно вспоминается чайная японская церемония. Чай они пьют молча. Он неизменно крепок и душист: бабушка никогда не забывает добавить в него какую-нибудь травку. Денис хрустит сушками, обмакивая их в варенье.

– Представляешь, – говорит бабушка, когда чашка её опустела, – Ярослава, приятеля твоего школьного, по дороге домой встретила. Пьянищий... – качает она головой. – С друзьями какими-то. Все, как один, на лицо бандиты. Вернулся, стало быть. Помнишь его?

Денис кивает, тянется за очередной сушкой.

– А ведь какой парень был, – вздыхает бабушка. – А теперь... Выходит, бандитского полку в нашем городе прибыло? Или, – вопросительно смотрит на Дениса, – думаешь, исправится?

Денис пожимает плечами. Ярик на этот вопрос уже ответил. Ему ответил. Надо ли знать об этом ответе бабушке? Пожалуй, лучше промолчать, решает он, а то ещё разволнуется.

– Вот бы исправился, – продолжает бабушка. – А то сейчас начнёт: сперва копейку с прохожих сшибать, потом ещё чего удумает, а там и до убийства не далеко... Пойдёшь этак вечером, а он тебе: «Гони, бабка, деньги!» Кстати! – спохватыва-

ется она. В руках её появляется тряпичный кошелёк на молнии, пёстро обшитый бисером. – Пенсию ж получила. Нука... – расстегнув кошелёк, она отсчитала несколько купюр, протягивает внуку: – Держи, матери передашь.

Рука Дениса замирает на полпути к купюрам. Его вдруг захлёстывает волной стыда. Обжигает. Особенно сильно достаётся лицу: щёки и лоб буквально раскаляются. Денис ловит себя на мысли, что ни что на свете не заставит взять его эти деньги, ведь он, здоровый лоб, должен помогать родителям, а не старушка-пенсионерка.

– Да что это ты, внучок? – слышит он бабушкин оклик. – Не заболел ли? Вон как раскраснелся.

– От чая, – находит Денис, что соврать. – Горячий.

– Так деньги-то бери. Матери передай. Отцу она что-то для лечения купить хотела.

Последний раз, думает Денис, пряча рубли в карман, дальше всё сам. А сегодня – последний раз, для отца...

На следующий день Денис проснулся около восьми утра. До десяти валялся в кровати, размышляя о том, как жить дальше. Однозначно, нужно как можно скорее устроиться на работу. Завтра понедельник, завтра он и решил приступить к активным действиям: отправиться в первую городскую школу на собеседование или что там должно быть, что-

бы его приняли на должность учителя иностранного языка. С иностранным у него проблем нет: свободно владеет английским, немецким, французским – стандартный набор по университетской программе; а так же неплохо знает итальянский – освоил по собственной инициативе. Лишь бы приняли, лишь бы было место.

С чистой совестью отложив на завтра проблему трудоустройства, Денис позавтракал и посвятил день прогулкам по городу. Сначала прошелся до центральной площади, там, у городского ДК, встретился и перекинулся парой фраз со смутно знакомым ему по школе парнем, лениво потягивающим пиво из алюминиевой банки. Простившись с ним, отправился в соседний скверик. Там перекинулся ещё парой фраз с другим парнем, так же смутно знакомым и так же потягивающим пиво. Прошел через сквер, разглядывая потрепанное временем и отдыхающими лавочки. В некоторых выломаны одна или две доски, на других облупилась краска, на третьих видны следы грязных ботинок. Над лавочками склоняются высушенные солнцем кусты. Земля под ними растрескалась от жары, засыпана окурками, фантиками и упаковками из-под чипсов. В глубине кустов поблескивают пивные бутылки. После московской чистоты, старательно поддерживаемой дворниками-таджиками, местная уличная неопрятность «царапает» глаз.

На выходе из сквера, у притулившегося под развесистой сосной пивного ларька, Денис сталкивается с Ярославом.

Ярик потрёпан, его джинсовый костюм измят и запылён, сидит мешковато. Выражение лица болезненно. В одной руке Ярослав держит тлеющий окурок, в другой – полупустую бутылку пива. Заметив Дениса, кивает. Произносит хрипло и устало:

– Здорова. Будешь? – протягивает бутылку.

– Неа, – мотает головой Денис. – Ты чего такой, тебя валяли?

Ярик подносит к губам бутылочное горлышко. Делает несколько глотков. Стекло выстукивает дробь на его зубах. Тяжело вздохнув, он прикладывает бутылку ко лбу.

– Вполне может быть, – отвечает, морщась. – Вчера с братвой забухали конкретно. Где был, что делал – ни хрена не помню. На лавке проснулся.

Несколько минут они стоят молча. Денис разглядывает ассортимент на витрине ларька: пиво, опять пиво, коктейли и ещё пиво, а так же стандартный набор закусок к нему. Зашвырнув в кусты опустевшую бутылку, щелчком отправив вслед за ней окурок, Ярик бросает в окошко ларька:

– Шесть бутылок давай... Гулять, так гулять, – добавляет, отсчитав купюры. – Ну, что, Дениска, айда купаться?

Местная речка по сравнению с той же Москвой-рекой не широка, но зато куда как чище. Правый берег крут. Под ним сразу глубина метра три. Течение быстрое. Коегде по пологому левому берегу разбросаны пляжики – грязновато-жёлтый песок вперемешку с мелкими камешками.

На один из таких пляжей, за городом, они и пришли.

Ярик, не раздеваясь, плюхнулся на песок, а Денис присел рядом, предварительно скинув одежду. Откупорили пиво, сидят, пьют. Пиво прохладное, под пекущим солнцем пьётся отлично. Над речкой, сносимые несильными порывами ветра, переваливаясь с крыла на крыло, кружат чайки, перекрикиваются. Изредка какая-нибудь стремительно обрушивается на воду и взмывает вверх, зажав в лапках рыбку. На противоположном берегу пестреет цветами луг, за ним шумит листво́й лес. Красота! Можно смотреть и слушать часами, не отрываясь.

Незаметно они «уговорили» по две бутылки. Дениса разморило, сознание его как бы подёрнулось туманом, крики чаек доносятся будто сквозь вату. Ярик, судя по выражению лица, тоже захмелел. На его лбу от жары выступила испарина. Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, вялыми плохо скоординированными движениями он стаскивает с себя джинсовку. Долго возится с рукавами, из которых никак не желают вылезать руки. Намучавшись, наконец отшвыривает куртку в сторону. Та шлёпается на песок...

– Бля... – вдруг выдыхает Ярик хрипло. Глаза его округляются, лицо мертвенно бледнеет. Сорвавшись с места, он на карачках бросается к куртке, лихорадочно теребит её. На песок падает небольшой чёрный предмет. Ярик мгновенно подхватывает его. Теперь Денис отчётливо видит: в руке Ярослава зажат миниатюрный, наверное, дамский пистолет.

– Бля... – повторяет Ярик, но уже не испугано, а с явным облегчением. – Как только ночью волюну не просрал... Тогда всё... Вилы... – вилкой из указательного и среднего пальцев Ярослав тычет себе под подбородок...

Денис смотрит на пистолет настороженно, подсознательно чувствует исходящую от оружия опасность.

– Заряжен? – спрашивает тихо.

– А то! – усмехается Ярик.

– Откуда?

– Братва подогнала! А вообще... много будешь знать, долго не проживёшь, – произносит Ярослав каким-то нехорошим тоном, заставляющим Дениса легонько вздрогнуть.

– Да ладно тебе, не ссы, – смеётся Ярик, заметив его реакцию. – Шучу.

– В каждой шутке...

– Это точно, – не даёт договорить Ярослав, пряча оружие в карман джинсовки.

После сцены с пистолетом купание не задалось. Денис для вида окунулся разок и засобирился домой, сославшись на то, что обещал помочь отцу – в чём помочь он уточнять не стал, впрочем, Ярик и не пытался расспрашивать. Расстались они, как только покинули пляж. Денис отправился в город, а Ярослав побрёл по тропинке вдоль реки, на ходу сшибая носками кроссовок одуванчики.

До позднего вечера Денис бродил по городку, домой не тянуло, а что там делать? Можно, конечно, помочь отцу с его

поделками, но что вдвоем братья за то, с чем и один справляется? На улице хорошо: тепло и сухо. Гулять по такой погоде, пусть даже и в одиночку, одно удовольствие. И он гулял: не спеша шествовал по знакомым с детства улицам и невольно сравнивал их с московскими. Последние выигрывали и в чистоте, и в оформлении, и... в общем, во всём... Но эти-то свои, родные, а своим многое можно простить.

Утро понедельника выдалось таким же безоблачным и тёплым, как воскресное. Выйдя из дома в 8:00, отягощённый лишь пакетом с документами, к 8:15 Денис уже стоял на школьном крыльце. Это давняя привычка, так у них с Яриком было условлено с десятого класса (именно в десятом они сдружились) – приходиться к 8:15. Начало уроков в половине девятого и целых пятнадцать минут можно было поболтать о том, о сём или, чего теперь скрывать, перекурить, забившись куда-нибудь подальше от глаз преподавателей. Как оказывается, привычка не забылась, Денис с удивлением обнаружил, что и сейчас ждёт появления Ярослава. А ещё обнаружилось, что он волнуется, как школьник перед выпускным экзаменом. «Возьмут ли, есть ли место, а если возьмут, справлюсь?», – такие вопросы роились в его голове, пока, ожидая оставшиеся до половины девятого минуты, переминался с ноги на ногу у двери. За это время мимо него

никто не прошел, впрочем, чему удивляться? Лето, каникулы. Стоило ли и ему приходиться в такую рань? Наверняка в школе ещё ни души...

Дверь, однако, оказалась не заперта. Открылась легко, едва только он потянул за ручку. Петли издали громкий протяжный скрип и на Дениса пахнуло густыми тяжёлыми испарениями масляной краски. Такие витают летом едва ли не в каждой школе. Ремонт. Подкрашиваются полы и стены, окна и подоконники. К запахам краски ощутимо подмешан «аромат» побелки.

Пройдя вестибюль и миновав ещё одну дверь, сразу за ней он лицом к лицу столкнулся с уборщицей бабой Тасей – сутулой старушкой, повседневно облачённой в потрёпанный выцветший халат. Она и вне школы в нём ходит. А может, их у неё несколько? Сколько Денис помнит, баба Тася беспрестанно работала в школе: мела, мыла и иногда беззлобно гоняла мокрой тряпкой расшалившуюся ребятню. А ещё баба Тася подрабатывает здесь же ночным сторожем.

– Куды? – сурово спрашивает она, подбочениваясь, всем своим видом давая понять, что мимо неё просто так не проскочишь.

- К директору.
- В отпуску.
- А завуч?
- Нету ищо.
- А когда будет?

– Они не докладывают.

– Я подожду, – сообщает Денис.

– Ты отец чей, чи брат?

– Да нет, – улыбается Денис. – На работу пришел устраиваться.

ваться.

На лице бабы Таси появляется выражение неподдельного изумления.

– Сюды? – спрашивает она, всплеснув руками.

– Да, – кивает Денис.

Услышав подтверждение, уборщица отступает на шаг и, слегка откинув назад голову, несколько секунд, прищурившись, рассматривает его.

– Ой, чего ж это я, старАя, тебя но пороге держу! – восклицает она наконец. – Проходи-ка, проходи, – прихватывает его за рукав, словно боясь, что убежит, и тянет за собой к стоящему неподалёку столику школьной вахты. – Присядь-ка, милоч, – пододвигает ему стул, – обожди, а я сейчас чайку.

Исчезнув в школьных недрах, баба Тася возвращается вскоре с чашкой горячего чая.

– Ты попей, – говорит, – а завуч-то скоро будет. Куды ей деться-то?

Пока Денис не спеша потягивает чай, баба Тася продолжает с интересом его рассматривать.

– Не пойму чегой-то, – произносит она задумчиво, – физкультурник чи кто? Учить-то чему будешь?

Эта её наивная попытка по внешности угадать предмет вызвала у Дениса улыбку.

– Иностранному языку, – отвечает он.

– От же шь! – восклицает баба Тася, ещё раз всплеснув руками. – А?! Вот оно как выходит! В самый раз!

Заметив на лице Дениса вопрос, она поясняет:

– Антонина-то наша на пенсию вышла, совсем плоха стала старАя, болячки заели. А смены-то и нету. А тут ты, милоч. Вот Матвевна-то порадуетя!

Из этого пояснения Денису стало ясно, что старая учительница иностранного языка Антонина Васильевна из-за болезни не смогла работать и ушла на пенсию, а завуч Станислава Матвеевна не знает кем её заменить. Это я удачно зашел, порадовался он про себя.

– Может, пряничка хочешь, милоч? – спохватывается баба Тася. – Так я сейчас...

– Спасибо, не нужно, – останавливает Денис её порыв.

– Ну, как знаешь... А то я мигом! В бытовке...

Скрип петель и хлопок двери не даёт ей закончить. Она умолкает, настораживается, всё внимание обращая к входу. Там в дверном проёме появился высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти. Он моложав, лыс, над верхней губой пышные смоляные усы. Рукава белой рубашки закатаны по локоть, обнажая мощные, мускулистые предплечья. Чёрные брюки безупречно отглажены. Ботинки, в тон усам и брюкам, начищены до блеска. В правой руке держит кожа-

ный, отблескивающий коричневым лаком, портфель.

Игорь Аркадьевич Чайкин, узнаёт мужчину Денис.

Игорь Аркадьевич преподаёт историю. Он, что называется, преподаватель от Бога. Из любого урока умеет сделать настоящее представление – такое, что учеников и после звонка из класса не выгонишь, без перерыва готовы слушать, что же такое творилось при дворе какого-нибудь Людовика или Николая.

Проходя мимо вахты, Чайкин приветственно кивает.

– Здравствуйте! – отвечает Денис.

Чайкин направляется дальше, но через пяток шагов оборачивается и произносит, остановившись:

– Погодите-ка... – он морщит лоб. – Стрельников, если не ошибаюсь. Так?

Денис, кивнув, встаёт.

– Я, Игорь Аркадьевич.

– Помню, помню, Ваш реферат.

За реферат, который припомнил, Игорь Аркадьевич ученику одиннадцатого класса Стрельникову Денису поставил «автоматом» пятерку в полугодии и потом долго приводил пример за глубину изучения и стиль изложения материала.

– Какими судьбами?

– Так на работу он, – отвечает баба Тася.

– То есть?

– Устраиваться, значит, пришел, – продолжает отвечать уборщица.

Брови историка приподнимаются.

– Вот как? Серьёзно?

– Вполне, – подтверждает Денис.

– Хм, ну, что ж... Идёмте.

– Куды это? – настораживается баба Тася. – К Матвевне он!

– Ничего, успеет ещё, – успокаивает её Игорь Аркадьевич, – а пока я с ним пообщаюсь.

Денис бросает вопросительный взгляд на уборщицу.

– Иди уж... – милостиво разрешает она, потеряв пуговицу халата. – Как Матвевна объявится, позову.

...В кабинете истории, судя по всему, ремонт был закончен не так давно. Здесь ещё витают его запахи. Распахнув окно, Чайкин усаживается за стоящий у доски учительский стол. Указывает на ближайшую к нему парту:

– Располагайтесь. И что же Вы жаждете преподавать? – осведомляется он, наблюдая, как Денис усаживается.

– Иностраный. Английский или французский, а можно и немецкий.

– Однако! – восклицает историк. – Вот это диапазон! Так что же и диплом соответствующий у Вас имеется?

Вытащив из пакета диплом, Денис подает его Чайкину. Тот принимает, покрутив в руках, заглядывает внутрь. Вчитывается долго, внимательно. Наконец раскрывает вкладыш.

– Похвально, – комментирует, пробежавшись взглядом по оценкам. Похвально, черт побери!

Вернув документ хозяину, Игорь Аркадьевич сел рядом с ним за парту.

– Скажи-ка мне, Денис... Можно на «ты», да?

– Конечно!

– Так вот скажи, ты всё серьёзно обдумал?

– Угу...

– Что ж... – произносит Чайкин, коротко кивнув, – учителя нам нужны, вот как нужны, – ребром ладони он касается горла, – до зарезу. Дефицитная в нашем городе профессия, понимаешь ли. Днём с огнём если только и сыщешь учителя, да и тот старпёр какой-нибудь, – улыбается грустно. – Старичьё ведь одно работает, до пенсии досиживает, молодёжи катастрофически не хватает. Сашка один ковыряется, да и то потому, что деваться ему некуда. Помнишь Сашу Весёлого?

Конечно, Денис помнит Сашу. С пареньком, носившим странную фамилию Весёлый, он познакомился в восьмом классе – тот приехал в город откуда-то с Дальнего Востока, где мать его и отец служили в одной из Богом забытых воинских частей. Здесь их приютила Сашина тётка. Собирались Весёлые со временем обзавестись и собственным углом, но не успели: попали в страшную аварию, в которой Саша получил перелом позвоночника, а оба его родителя погибли. После этой трагедии заботу о мальчишке целиком и полностью взяла на себя тётя: моталась с ним по больницам, пыталась поставить на ноги – безуспешно. На всю жизнь Саша оказался прикован к инвалидному креслу. Школу заканчи-

вал на дому. Что стало с ним потом, Денис не знал: поступил в институт, появились другие дела, другие приятели. Собственно, и приятелями-то они не были, так... разок в компании других ребят сходили на рыбалку, и ещё раза два, кажется, ходили куда-то, Денис уже и не может вспомнить куда именно – то ли на лыжах кататься, то ли... В общем, выпало из памяти. А вот самого Сашу он помнит отлично. Особенно ярко вспоминается его по-настоящему весёлый, на все сто соответствующий фамилии, характер. Саша постоянно балагурил, шутил и подкалывал. Наверное, поэтому девчонки обращали на него больше внимания, чем на других пацанов.

– Помню, – отвечает Денис. – А он что, здесь работает?

– Пристроили, как смогли, – сообщает Чайкин. – Информатику преподаёт. Оказалось, талант у парня. Самоучка. Подучиться, цены бы не было.

– Самоучка? – удивляется Денис. – А как же...

– Тамара Львовна утрясла все вопросы, – спешит пояснить Чайкин. – Надо же парню на жизнь зарабатывать? На пособие проживи, попробуй. Вот только что с ним теперь будет... – на лице историка появляется выражение задумчивости.

– А что такое?

– А? – отвлекается от своих мыслей Чайкин.

– Что с ним?

– Тамару Львовну на пенсию проводили в начале лета. Думали мы, кто-то из наших директором будет, а в итоге при-

слали какую-то мадам, – Чайкин выписывает ладонью в воздухе замысловатый вензель, – из области. Приехала, носом покрутила и сразу приказ себе на отпуск подписала. Ни здравствуйте, ни до свидания. Кто такая, что за человек? По всему видно, что не простой. Ну, да ладно, поживём, увидим.

Чайкин на какое-то время опять впадает в задумчивость, а потом произносит:

– Можно вопрос?

– Конечно.

– А почему в Москве не остался? Как говорится, простор, размах, возможности.

Ответить Денис не успевает. За дверью раздаются шаркающие шаги, и, спустя несколько секунд, в классе появляется баба Тася.

– Пришла Матвевна-то, – сообщает она, окинув классную комнату взглядом. – Иди, что ли, милоч, – обращается к Денису, я уж ей всё обсказала.

Чайкин кивает ему, дескать, действуй, но тут же спохватывается:

– Подожди-ка! Вот, как раз...

Из портфеля он извлекает компакт-диск в прозрачной коробочке без каких-либо опознавательных знаков.

– Помнишь, где Саша живёт?

– Конечно.

– Занесёшь ему? – протягивает диск Денису. – А то всё никак не верну...

Беседа с завучем заняла около часа. Станислава Матвеевна, как и предположила баба Тася, была очень обрадована появлению Дениса в школе. Под конец разговора она заявила, что вопрос с его трудоустройством можно считать решённым, если, конечно, он сам согласен с предлагаемыми условиями. А условия таковы:

- 1) он будет вести уроки английского и немецкого;
- 2) для этого ему будет предоставлена отдельная классная комната, которая в принципе в нормальном состоянии, но подремонтировать кое-что всё же придётся;
- 3) зарплата ему будет назначена в соответствии с тарифной сеткой и нагрузкой.

Если первые два пункта Дениса вполне устроили, то третий, в примерном пересчёте на рубли, вызвал у него некоторое разочарование. Да и Станислава Матвеевна сама посетовала, что, да, не много, но это для начала, а вот поднаберешь стаж, будет побольше. Что ж, он знал, на что шел и в итоге со всем согласился. Для окончательного трудоустройства ему велено было прийти в начале августа.

Из школы Денис, чтобы не откладывать просьбу историка в дальний ящик, отправился к Саше. Тот живёт в частном секторе, в тёткином доме неподалёку от Денисовой бабушки.

На звонок (кнопка прикреплена рядом с калиткой) вышла тётка – стареющая худенькая с сероватым морщинистым лицом женщина.

– К Сашке? – спросила, бегло глянув в лицо гостю.

– К нему.

– Проходи.

И повела его сначала по тропинке через пестреющий цветами палисадник к дому, а там – узким с побеленными стенами коридором.

– Саш, к тебе! – громко произносит она, остановившись у второй по пути двери.

– Ага! – раздаётся в ответ.

Женщина легонько толкает дверь, та распахивается и Денис входит в комнату.

Она была бы светла, если бы окно не закрывали плотные красные шторы. Именно из-за них здесь мрачновато и всё в красноту: от обоев до системного блока компьютера на просторном письменном столе, стоящем у окна. Кроме системника на столе кипы компакт-дисков в разноцветных боксах, какие-то мятые бумаги с машинописным текстом и старенький, но ещё яркий пятнадцатидюймовый монитор-бочка. У стола в офисном кресле вполоборота к Денису сидит длинноволосый парень. Рядом с офисным, тускло отсвечивая металлическими частями конструкции, стоит инвалидное кресло-каталка. Парень сосредоточенно смотрит на монитор, на котором раскрыто несколько окошек с каким-то текстом – издали разобрать невозможно. Правой рукой он управляется с «мышкой», левой – с клавиатурой. На лице его ярко выражено недовольство.

– Ну ё, – произносит он тихо и зло, – пусти дурака за комп,

потом десять сисадминов не разгребёт! – И уже громче, мельком глянув на Дениса: – курс какой?

– Какой курс?

– Блин, ну не бакса же! На каком учишься?

– Отучился.

– Из конторы? – продолжает допрашивать Саша, продолжая заниматься компом.

– Чего?

Тут уже удивляется Александр:

– Ты кто? – спрашивает, крутанувшись на стуле, развернувшись лицом к Денису. С лёгким внутренним содроганием тот отмечает, как неестественно потянулись за телом Сашины ноги, облачённые в потрёпанные спортивные штаны.

– Вот, – протягивает Денис компакт, – Чайкин просил вернуть.

Саша смотрит на диск, переводит взгляд на лицо гостя.

– Аркадьич?

Денис кивает.

– А... Ну, давай, – глазами Саша указывает на компакт.

Вручив ему диск, Денис отступает на пару шагов и замирает в нерешительности, смотрит в пол. Что делать, что говорить, да и надо ли? Развернуться и уйти? Пожалуй... Исподлобья бросает взгляд на Александра: у того на лице написано «ну, и что дальше, так и будешь тут торчать?» Этот немой вопрос подстёгивает Дениса к активным действиям.

– Слушай, ты ведь меня не помнишь? – спрашивает он,

уже зная какой получит ответ.

– А должен?

– Нет, конечно...

– Как зовут?

– Денис.

На Сашином лице ожидание продолжения, и Денис продолжает:

– Стрельников.

– Неа, не помню, – сообщает Саша незамедлительно.

– Учились вместе, – уточняет Денис. – В восьмом...

Сашины веки плотно сжимаются, на лбу и под глазами прорезаются глубокие морщины. Щёки его резко бледнеют.

– Знаешь, – произносит он, мазанув ладонью по лицу, – не люблю вспоминать... Учились, значит учились... Ну и как ты, где, чем занимаешься?

– Только универ закончил.

– И кто по образованию?

– Педагог.

– Хм, ну, можно сказать, коллега, – улыбается Саша. – Ты это... Чего стоишь-то? Садись, – указывает на кровать.

Попробовав её ладонью на мягкость, Денис аккуратно, стараясь не очень сильно сбить покрывало, усаживается.

– А я подумал, ты из технаря, – сообщает тем временем Александр. – Ходят ко мне... – он на мгновение умолкает, а потом презрительно бросает: – студенты всякие. Лабы, курсовые им делаю по информатике. У самих-то руки под

лопату заточены. Пустил вчера такого за комп, одного оставил. Через десять минут возвращаюсь – кирдык, синий экран смерти... Урод, бя... Внёс в систему непоправимые улучшения! И главное, как у них получается так быстро всё угробить?! – восклицает неловко ёрзнув в кресле. – Эйнштейны, детские непосредственности, мать их! Теперь вот думаю, что проще: чинить, или переставлять? – он смотрит на Дениса, словно ожидает конкретных предложений.

Денис пожимает плечами.

– Не знаю, Саш, я в этом... – разводит руками. – Профан.

– А-а-а... – тянет Саша тоном, в котором сквозит: «ну, всё с тобой ясно». – Ты где учился-то?

– В Москве.

Сашины глаза «загораются».

– Ну и как там? Как столица? – спрашивает он, туловищем подаваясь вперёд.

– Стоит, что ей будет?

– Вот бы куда! Вот где дела делаются! Я по удалёнке подрабатываю, – оттопыренным большим пальцем правой руки через плечо тычет в сторону монитора. – Контачу с парой тамошних конторок. Но это так... Мелочёвка. Крохи перепадают, и комп нормально не апгрейдишь. А там! Там такие бабки зашибают! Эх, Дениска, в Москву бы... – заканчивает с тоской в голосе.

Молчит с минуту. Наконец, спрашивает:

– Когда в столицу? – теперь в голосе нотки зависти. – Ра-

боту уже подыскал?

– Здесь я, Саш, работать буду.

Сашины глаза округляются, лезут из орбит, брови ползут на лоб.

– Чего? – спрашивает сдавленно-настороженно. – Тут?

– Угу.

– Приплыли, картина маслом... – выдыхает Саша. – Не, ну, ладно я – калека, а этот – на всю голову больной. Где здесь?! – спрашивает неожиданно резко, Денис аж вздрогнул. – Где?!

Ещё раз передёрнув плечами, Денис произносит:

– В школе...

– Кем?! – тон по-прежнему резок.

– Учителем иностранного...

– Так ты языки знаешь?! – Сашины глаза вот-вот вывалятся.

– Английский, немецкий... – перечисляет Денис.

– Идиот! – перебивает его Саша.

– Что?! – напрягается Денис. На оскорбления он не рассчитывал. – Ты...

– Столько всяких «СП»! – вновь обрывает его Александр. – Да переводчик сейчас, может круче устроиться, чем классный программер. Не хуже – точно. Покрутился, осмотрелся и в перед. Годик-другой и вообще за кордон! Гудбай немыто-голодно-единая! А он... Нет, я звоню ноль-три, ты шизанулся!

– Сам дурак, – огрызается Денис, ощущая, как щёки его почему-то заливают краска. Но почему, чего ему стыдиться? Кулаки его сжимаются, глаза превращаются в узенькие щёлочки, он до боли закусывает нижнюю губу.

– Ну, ладно, ладно тебе, – примирительно произносит Саша, заметив в собеседнике недобрые перемены. – Не обижайся. Твоё право, работай, где хочешь. Главное, чтобы потом не было мучительно больно, согласен?

Денис не отвечает. Сидит накупившись.

– Да говорю же, не обижайся, – продолжает Саша. – Это я так... От зависти... – После недолгого молчания, он добавляет с грустной улыбкой: – Мне бы твои возможности, – хлопает себя по коленям, и Дениса «отпускает» – нахлынувшие было раздражение и злость уходят.

– Ладно, – произносит он.

– Слушай, а ты в компах совсем не сечёшь? – интересуется Александр.

Не то, чтобы Денис совсем не разбирался, когда-то и его задела краем эта лихорадка: «мамы», процы, видюхи, «мозги» – купить, обменять, апгрейдить. А потом схлынуло, понял – не его. Были лабы по информатике на первом-втором курсе, набирал курсачи в «Word», поигрывал в стрелялки по общаговской сетке. В общем, не был он ни фанатом-железячником, ни хоть сколь-нибудь умелым программмером.

– Да так... – отвечает он неопределённо.

– Мда, – вздыхает Саша. – На учительские-то особо

не разгуляешься. А так, может, тоже подработал бы на кино-вино. Бабе – цветы, детям – мороженое. Текст-то хоть умеешь набирать?

– Ага.

– Иногда бывает запарка – сам не справляюсь. Так что могу подкидывать работку, если хочешь.

– Давай.

За сим они и распрощались.

– Провожать не буду, – ещё раз хлопнув по коленям, сказал напоследок Саша, и уже когда Денис закрывал за собой дверь тихо добавил: – Чудак человек...

До назначенной Станиславой Матвеевной даты Денис оказался целиком посвящён домашним заботам: помогал бабушке по хозяйству, а отцу – с поделками (в основном доставлял материал для них), несколько раз ходил за грибами.

В один из таких походов столкнулся он со старыми знакомыми – известными едва ли не на весь городок братьями Савельевыми. Их так и называли «братья», с ударением на последнем слог. Скажет кто-то: «Ну, братья сегодня и откололи!», и сразу ясно слушающему, о ком речь. А «откалывали» братья что-нибудь этакое не редко. И в основном «под мухой». Выходки их были, как правило, беззлобными, и если опасными для окружающих, то самую малость. Правда,

иной раз получалось таки нехорошо. Проблемы возникали со старшим Аркадием. Выпивка накладывалась на последствия серьёзной контузии, привезённой из Чечни, и... Иногда после очередной стопки он бросался на пол, забивался куда-нибудь в угол или под лавку и лопотал из укрытия о каком-то снайпере – до тех пор пока не заснёт. Но это ладно. Такое могло лишь вызвать лёгкий шок, да и то у новых в компании людей. Хуже, когда Аркаша слетал с катушек и начал кидаться на всё и вся, что вдруг задело его воспалённое алкоголем восприятие. Тут уж держись! Не дай Бог подвернуться под руку. Единственный, кто может совладать с ним в такие моменты – младший брат Георгий, обладатель сокрушительного хука справа. Именно этим приёмом он обычно и утихомиривает разбушевавшегося родственника. Благо, тот после просыпа ничего не помнит, и лишь удивляется: отчего это на скуле или под глазом опять образовался синяк.

Братья, что говорится, не разлей вода. Их ещё называют шутливо «Мы с Тamarой ходим парой». Они не обижаются, услышав. А чего обижаться, если так оно и есть? Оба брата крупны и щедро наделены силой. Как большинство сильных людей, они добры – порой до полного бескорыстия. Доброта, между тем, не помешала Аркаше гонять по пригородным огородам милицейскую делегацию, когда та явилась младшего Жорика в армию забирать. Опять же по доброте душевной Жорик был в общем-то не против отдать долг Родине, вот только Аркаша его готовность не разделял. С вопля-

ми «А идите вы на хер со своей родиной» и им подобными он с полчаса заставлял милиционеров скакать через кусты и грядки. Благо, сотрудники милиции знали о наличии у парня контузии и справки из медицинского учреждения, в которой популярно объясняется, что Аркаша не совсем в себе, и были мужиками вменяемыми, потому не стали стрелять. Эта выходка сошла Аркадию с рук благодаря всё той же справке, а так же приятельским отношениям ныне покойного брата Ёва отца с военкомом – служили вместе то ли в Афгане, то ли ещё где. Военком помог и с отмажкой Жоры от армии. Решил, что для всех будет лучше не доводить Аркадия до крайности.

Аркадий старше Дениса всего на шесть месяцев. Если бы Денис так же провалил экзамены в универ, имел бы все шансы обзавестись анаогичной справкой, а то и того хуже. Жора младше брата на пару лет. Наткнулся на них Денис на крохотной полянке – три на три метра проплешина среди ёлок. Посреди полянки торчит пенёк, на пенёке две бутылки водки, одна уже успела опустеть, и несколько бледно-оранжевых помидоров. По одну сторону пня храпит на земле Аркадий, по другую на ведре восседает Жора. К ближайшему дереву прислонена двустволка-вертикалка. Охотником считает себя Аркаша. В каждую вылазку на природу берет с собой ружьё. Надо сказать, что местное зверьё не очень-то этому огорчается: никто из них до сих не подстрелен. Каждая охота у Аркадия сводится либо к пьяной пальбе по деревьям и консерв-

ным банкам, либо, как сейчас, к крепкому богатырскому сну на свежем воздухе.

Заслышав шум (Денис пробирался между деревьями во-все не крадучись), а потом и разглядев сквозь хвою чей-то приближающийся силуэт, Георгий насторожился. Сначала он кашлянул нарочито громко, затем окликнул:

– Эй!

И подался телом в сторону ружья.

– Свои! – отозвался Денис, заметив это движение.

– А-а-а... – протянул Жора с такой интонацией, что стало понятно: не очень-то поверил. И Денис поспешил выйти на полянку.

– А-а-а... – ещё раз протянул Жора, но теперь уже миролюбиво, и уселся на ведре поудобнее. Дениса он знает, если и не хорошо, то имеет представление, что этот парень учился вместе с Аркашей.

– Охраняешь? – кивнул Денис на спящего, подойдя к пеньку.

– Ага! – ответил Жора и улыбнулся во весь рот. – Подкосило братана. Со вчерашнего, как отшабашили, не просыхает.

Оба брата нигде не работают, перебиваются тем, что собирают металлолом, и случайными заработками, а в перерывах между этим на вырученное и заработанное, как говорит Аркадий, кутят.

– А ты чего трезвый? – поинтересовался Денис. – Завя-

зал?

Жора мотает головой.

– Не... Просто должен же кто-то из двоих в сознании быть. Решил немного притормозить. Всю водку всё равно не выпьешь.

– Да ты философ, – усмехнулся Денис.

– Да ну... – отмахнулся Жора.

Их голоса разбудили Аркадия. Он перекатился с одного бока на другой и открыл глаза. Увидев рядом с собой чьи-то ноги, перевернулся на спину, уперся локтями в землю и, приподнявшись, уставился в лицо Денису мутным взглядом. В нём читалась тревога.

– Ты это... кто? – спросил заплетающимся языком.

– Денис это, – поспешил разъяснить Жора.

Услышав голос брата, Аркадий обмяк и, расслабив руки, рухнул на землю.

– Выпить есть? – спросил тихо.

Не говоря ни слова, Жора до краёв наполнил водкой пластиковый стаканчик и протянул его брату. Тот пил лёжа на боку, жадно, едва не захлёбываясь. Губы его подрагивали. Выпив всё до капли, отшвырнул стаканчик и сел. Вновь глянув на Дениса, кивнул ему – видимо наконец-то узнал.

– Привет, что ли, – буркнул под нос. – Пить будешь?

Денис пожал плечами.

– За встречу! – воскликнул Аркадий, оживляясь. – Гога, наливай!

Георгий налил всё так же молча. На двоих.

– А сам?! – встрепенулся Аркадий, увидев такой расклад.

– На просушке, – пробурчал Жора.

– Ну-ну, – усмехнулся Аркадий и, отсалютовав Денису стаканчиком, выпил до дна.

Денис только пригубил.

Откусив и разжевав половинку помидора, Аркаша протяжно зевнул и завалился на бок. Через несколько секунд он захрапел во всю носоглотку.

– Боюсь... – тихо сказал Жора, глядя на него.

– В смысле? – спросил Денис.

Помолчав немного, Жорик взял в руки бутылку, поглядел сквозь неё на солнце и произнёс:

– Который раз накатывает – по трезвому... Страшно... Ведь допьёмся же... До «дурки» или ещё хуже. Может, лучше бы в армию забрали, а? – он бросил вопросительный взгляд на Дениса и снова уставился на бутылку. – Хотя, братана послушать, там не хуже дурдома. А может уехать? Как считаешь? У нас в Питере дядька, может, к нему? Или в Москву? Охранником устроюсь или водилой, у меня права есть... Может, пить брошу. И братана куда-нибудь определю. Завяжет...

– Да что вы с этой Москвой носитесь? – неожиданно отозвался Аркадий.

Сон алкоголика чуток, мысленно отметил Денис.

Аркаша сел и затряс головой, а потом принялся растирать

лицо ладонями.

– Нас и тут неплохо кормят, – выдавил сквозь зевок.

Оглядев полянку, он задержал взгляд на ружье. Со второй попытки поднялся во весь рост. Пошатнувшись, переступил с ноги на ногу.

– Слышь, Гога, а пойдём-ка на наше место! – позвал. – Пальнём разок.

Георгий оценивающе глянул на брата, потом на ружьё и, свинтив с водочной бутылки крышку, сделал большой глоток.

– Пойдём, – согласился, протяжно выдохнув.

Они углубились в лес, а Денис направился домой, решив, что на сегодня поиски грибных мест лучше прекратить, а то можно и нарваться на шальную дробину.

В школе он появился в первый понедельник августа. Принёс необходимые для трудоустройства документы и посетил вверяемую ему классную комнату. Помещение в порядке, требуется лишь покрасить оконные рамы, подоконники, дверь и пол – не сложно. На вопрос «где взять краску?» Станислава Матвеевна предложила ему пройтись по коллегам, может, у кого-то осталась, или есть другой вариант... Она предоставила ему список его будущих учеников и посоветовала при необходимости обратиться за помощью к родителям.

У коллег в лице Чайкина и физрука Игоря Филипповича, Денису удалось раздобыть по четверти банки белой крас-

ки. Маловато. Что делать дальше, Денис не мог ума приложить. Ходить по квартирам ему показалось неудобным: ну, вот как прийти к незнакомым людям и попросить денег? Уж лучше купить на свои. Хорошо, что об этом решении узнал историк. Он усмехнулся, покачал головой, а через полчаса они на старенькой, но крепкой «копейке» Чайкина совершили рейд по родителям. Нет, один на такое Денис никогда бы не решился: звонишь в дверь, она открывается и на тебя недобро смотрит какой-нибудь небритый устрашающего вида громила, которому по весовой категории спокойно можно дать прозвище «Центнер». Сказать такому «дайте денег»? Ага, сейчас он даст. Но рядом был Чайкин. Увидев его, верзила улыбался, протягивал руку, приглашал войти. Необходимую сумму они собрали быстро и без проблем, но на душе у Дениса остался какой-то нехороший осадок.

– Неудобно? – поинтересовался Чайкин по пути в ближайший хозяйственный магазин.

Не дождавшись ответа, усмехнулся:

– Привыкай! – А потом, потеряв ладонью затылок, добавил: – Оно ведь не в последний раз.

До конца месяца Денис буквально пропадал в школе и, казалось, навечно пропах краской и растворителем. К тридцать первому числу ремонт классной комнаты был успешно окончен.

Линейка, посвящённая дню знаний, прошла на школьном дворе. Денис наблюдал за ней из окна учительской. Рассмат-

ривал родителей и детей. По лицам первых было понятно, что спешат на работу или по личным делам – им бы поскорей вся эта торжественная тягомотина закончилась. На лицах вторых царили эмоции поразнообразней. Первоклашки были кто напряжён, кто растерян – жались к родителю или бабушке, но были и такие, которые с интересом глядели по сторонам, улыбались. Не понимают ещё куда попали, усмехнулись про себя Денис и вспомнил такой анекдот.

Уходит первоклассник в школу первого сентября весёлый, довольный. Возвращается в расстроенных чувствах. С порога бросает родителям: «Что ж вы не сказали, что эта фигня на десять лет?!»

Ученики средних классов показались ему какими-то обречёнными. Ну да, лето кончилось, опять эти геометрия с математикой.

На лицах старшеклассников было написано: «Пофиг! Не долго осталось!» Они переминались с ноги на ногу, переговаривались, толкали друг друга, чтобы хоть как-то развлечься. Кончится линейка, урок мира, соберутся где-нибудь, поделятся впечатлениями на тему «Как я провел лето» (интересно, пишут ли ещё такие сочинения?), покурят, пивка попьют – отметят возобновление учебного процесса. Всё эти первосентябрьские ощущения и учащегося первого класса и выпускника, конечно, были знакомы ему. Как говорится, плавали, знаем.

Первое сентября выпало на пятницу. Суббота и воскресение

нье пролетели в тревожном ожидании первого урока. В субботу Денис лишь слегка мандражировал, но к воскресному вечеру от волнения у него начали подрагивать руки. Чтобы успокоиться, он «стрельнул» у отца две сигареты и выкурил их одну за другой. Вроде отлегло. Ночью он почти не спал. Ворочаясь с боку на бок, раз за разом представлял, как войдёт в класс после звонка, как посмотрит на детей, что скажет им. Изредка он впадал в дрёму, но вскоре вновь пробуждался и опять думал всё о том же. Более-менее крепко заснуть ему удалось только в шестом часу утра, а в семь двадцать его уже поднял на ноги сигнал электронного будильника.

Первый его урок в роли преподавателя прошел на удивление гладко. Если до самого звонка Денис места себе не находил от волнения, слонялся по учительской из угла в угол, награждаемый сочувственными взглядами новоприобретённых коллег, а к классной двери шел, как на казнь, то, войдя в класс, неожиданно успокоился, почувствовал абсолютную уверенность в том, что у него всё получится. Ведь он же сам этого хотел! Ученики шестого «а» встретили его дружным вставанием. Денис разрешил им сесть, представился и начал занятие, которое посвятил знакомству с детьми и повторению пройденного материала.

Потекли трудовые будни. В них было много разного: и интересного, и тревожного, а иногда и смешного. Работа с детьми как никак. Ученики помладше относились к нему, как к старшему, с уважением и даже побаивались, хотя он ни

разу не повысил голоса, просто был требователен. Возможно, по неопытности иногда требователен через чур. Учащиеся средних классов видели в нём обычного учителя – может и похвалить, а может и влепить «пару» – тут уж, что заслужил. Труднее всего было со старшеклассниками. Ведь, если разобраться, он не намного их старше. Потому некоторые из них позволяли себе во время урока вольности, на которые никогда бы не решились у того же историка: могли в открытую заниматься личными делами вместо изучения материала, могли и выйти из класса без разрешения. Денис старался быть терпимее, не «капал» на непослушных ни завучу, ни кому-либо из коллег вообще. Он сосредоточил всё внимание на тех детей, в ком заметил интерес к своему предмету, по полной выкладывался для них.

За свои труды полученную зарплату, отдавал матери, оставляя себе лишь на самые необходимые расходы. Мать отказывалась, говорила: «Да зачем? К чему? Тебе и самому нужно», но в итоге брала – деньги-то в их небогатом доме не лишние, к тому же отцу посоветовали доктора в областном центре, нужно собирать на оплату.

Как-то, идя домой с работы, у пивных ларьков Денис заметил Ярослава: одет во всё новое – высокие кожаные ботинки, тёмно-синие джинсы и чёрная кожанка, то ли ждёт кого-то, то ли прохлаждается. Подходить к нему Денис не стал – голова была занята мыслями о завтрашнем уроке, прерывать их не хотелось.

Двадцатого октября приболела мама. Утром пришла с дежурства с лёгкой простудой, а ближе к вечеру серьёзно за-температурила – столбик градусника скакнул до тридцати восьми. Денис поспешил в аптеку.

Там он и встретился с Таней. Лекарства отпускала пожилая женщина мощной комплекции, в кипельно белом халате казавшаяся ещё крупнее, а её напарница, худенькая девушка, стоя за прилавком вполоборота к покупателям, просматривала большую тетрадь в картонной обложке.

Он уже расплатился, рассовал таблетки по карманам и собирался уйти, когда она обернулась. Скользнула по нему взглядом и обратилась было к напарнице, но неожиданно осеклась и в упор посмотрела на Дениса.

– Динь, ты? – спросила удивлённо.

– Ага, – ответил он, чувствуя, что краснеет.

На этом и завершилась их встреча: чей-то строгий и требовательный голос окликнул Таню из подсобки, и она, кивнув на прощанье, скрылась из вида.

Мамина простуда оказалась настолько тяжелой, что пришлось ей идти на больничный – бюллетенила две недели. Всё это время Денис с завидным постоянством посещал аптеку: то одно лекарство пропишет доктор, то другое. Там раз за разом встречался он с Таней. Сначала просто «привет – как дела – пока», потом: «как живешь?», затем проводил домой, через три дня они задержались у её подъезда дольше обычного, а в следующий раз как-то так вышло, что поднялись

вместе до двери её квартиры и вспомнили, что Денису пора уже уходить, лишь когда из квартиры раздался голос Татьянинного отца, вопрошающий строго: «Кто это там под дверью?»»

Выздоровление мамы было ознаменовано первым свиданием. В этот день Денис ушел с работы чуть раньше обычного. Дома выгладил брюки, подобрал в тон им свежую рубашку, до блеска начистил ботинки.

По дороге к Таниному дому купил цветы: пять ярко-красных роз. Татьяна ждала его – дверь в квартиру распахнула, едва он нажал на кнопку звонка звонок. Увидев розы, улыбнулась. Застенчиво, как ему показалось.

– Спасибо, – поблагодарила тихо.

Из комнаты выглянул её отец, кивнул гостю и исчез.

– Па, я ушла, – предупредила она. Пристроив букет в стоящую на тумбочке вазу, добавила: – Скажи маме, что буду поздно. Пусть не беспокоится.

Кафе «У Светланы» оказалось вполне приличным заведением – по крайней мере, на первый взгляд.. Они устроились за столиком в углу. Свет мягок и приглушен, играет тихая медленная мелодия. Сделали заказ: отбивные, салаты, по два бокала вина, на десерт – кофе и мороженое. Кроме них в кафе ещё одна пара: средних лет мужчина и женщина. Сидят молча в центре зала, потупив взгляды. Женщина ковыряет вилкой в тарелке, мужчина, откинувшись на спинку стула, мелкими редкими глотками пьёт из миниатюрной ча-

щечки. Глядя на них, почему-то кажется, что они в ссоре. Мужчина, всё так же не поднимая глаз, выбивает из пачки сигарету, щёлкает зажигалкой. Затянувшись, выпускает изо рта струю дыма. Денис краем глаза отмечает, как отреагировала на это спутница курильщика: губы её скривились, глаза превратились в щёлочки. Видно было, что очень хотела что-то сказать, но промолчала.

Официантка принесла заказ. Аппетитно запахло жареным мясом. Салаты, ему под стать, вызывают желание как можно скорее попробовать их на вкус.

– За что, выпьем? – спрашивает Татьяна, взявшись за ножку бокала – длинную и ребристую. В упор глядит на Дениса.

Приняв её взгляд глазами, Денис выдержал короткую паузу.

– Давай за... – говорит задумчиво. Честно говоря, он не знает, за что можно выпить сейчас. – За будущее, – произносит дежурную фразу.

Левая Танина бровка слегка изгибается.

– Хм...

Их бокалы на мгновение с тихим звоном соединяются, и они отпивают вино.

– Вкусно, – отмечает Таня.

– Неплохо, – соглашается Денис.

До конца вечера они так и обменивались короткими репликами по поводу еды и вина. Денис чувствовал себя неловко, замечал, что и Таня тоже немного не в своей тарелке.

Плохо знаем друг друга, нет общих тем для разговора, вот и сидим, словно воды в рот набрали, решил он.

Как и положено кавалеру, расплатился за даму. Проводил домой. Когда остановились у её двери, у него возникло ощущение, что вот именно сейчас нужно что-то сделать... Что-то... Глядя в глаза, он приблизил к её лицу своё, потянулся губами к губам, но то ли взгляд Татьяны заставил его отстраниться, то ли что-то внутри него просигналило: «Ещё рано».

Ночью спал плохо, ворочался с боку на бок, почему-то снилось, что сидит в кафе не с Таней, а с той дамой – спутницей курильщика, смотрит на неё, а она неодобрительно кривит лицо. Утром мрачный, с тёмными кругами под глазами он отправился в школу – к ставшему уже почти родным учительскому коллективу. Большая его часть – дамы околопенсионного возраста. Их дополняют такого же возраста мужчины. Из молодых – тридцатидевятилетняя неброская и невероятно застенчивая учительница алгебры и геометрии Светлана Алексеева и Саша Весёлый. Ну, и ещё новая директриса Алла Львовна Яхромова – эффектная рыжеволосая женщина лет сорока, а может и больше – такая внешность, что возраст не угадать. Держится Алла Львовна особняком, в учительскую не заглядывает, распорядка отдаёт через Станиславу Матвеевну. Вообще, у Дениса порой создаётся впечатление, что директриса, если и появляется на работе, то не часто – совсем не заметно её присутствие. Но, может, оно и к лучшему. Да и Станислава Матвеевна отлично справля-

ется и за себя и за неё.

Урок за уроком, день за днем, неделя за неделей. Начались и закончились осенние каникулы. По сути, Денис их и не заметил: провёл за подготовкой к следующей четверти. С утра до вечера составлял планы занятий. Подбирая материал, штудировал учебники, журналы и методические пособия из школьной библиотеки – все изданы ещё в советские времена. Новую учебную литературу школа то ли не выписывала уже полтора десятилетия, а то ли просто не издаёт её. Долго думать над этим Денису было некогда. А ещё промелькнула мысль, что и в университете учились в основном по древним пособиям, и он снова углубился в работу.

С Татьяной они встречались вечерами – два-три раза в неделю. Когда позволяла погода, гуляли по городу, в ненастье ходили в кинотеатр – обшарпанный, обветшалый снаружи и изнутри, но всё ещё действующий. Раньше в городе их было два, но в середине девяностых один оказался ненужным и был закрыт. Его кто-то выкупил, пытался перестроить то под дискотеку, то под магазин, то под спортклуб, но каждый раз что-то не ладилось, и в итоге здание забросили. Сейчас оно представляет собой удручающую картину – двери вынесены, окна разбиты, шифер на крыше проломлен, мебель внутри частично разворована, а частично разломана и сожжена бомжами, нашедшими здесь приют. Мимо него неприятно ходить днём и страшно – вечером. В оконных проёмах мелькают отблески огня, слышна напряжённая

возня, надсадный кашель и стоны, а иногда – звуки потасовки, густо перемежаемые матом.

Зато в уцелевшем центре синематографии чувствуешь себя вполне сносно. Там есть даже маленький буфетик. Ассортимент – чипсы, кукурузные хлопья и пиво. Можно купить что-нибудь, устроиться на заднем ряду в пропахшем пылью и дряхлостью кинозале и смотреть какой-нибудь фильм.

Когда они в первый раз поцеловались? Да, после очередного сеанса. Всё вышло как-то сумбурно и, как Денису тогда показалось, не совсем правильно. Он проводил её. Ключ был провёрнут в замке, она приотворила дверь в квартиру, и на них пахнуло теплом и запахами съестного... Он вдруг (сам не понял, как это произошло) придержал её за локоть и притянул к себе. Лёгкое секундное прикосновение губ к губам. И громкий хлопок дверью, заставивший его вздрогнуть. Он остался один на лестничной клетке. По пути домой чувствовал себя немного растерянным. Ночью не спал. Весь следующий день был сам не свой и с тревогой ждал вечера. Тревога едва не превратилась в панику, когда Татьяна по телефону сказала, что не может сегодня с ним встретиться. Её голос показался ему странным. Неужели обиделась? Но он постарался взять себя в руки: будь что будет! Чтобы отвлечься, засел за учебники.

Они не виделись двадцать один день. Денис звонил ей каждый вечер, но постоянно попадал на Танину маму, а та сообщала, что дочери либо нет дома – сегодня допоздна

на работе, либо она неважно себя чувствует и не может подойти к телефону, либо уже спит – устала за день. Перезвонить? Да, хорошо, скажет, чтобы перезвонила. Он ждал. Ждал за письменным столом, готовясь к завтрашним урокам, ждал, пытаясь уснуть, ждал даже во сне. Но Таня не перезванивала. После второй недели такого ожидания, он сам перестал звонить ей. Всё кончено! Хотя... Что кончено, если по сути ничего и не начиналось? Просто ходили в кино. Да! Два малознакомых человека помогали друг другу убить свободное время. Ничего серьезного!. Так он внушал себе, когда кошки на душе начинали скрести сильнее прежнего.

– Денис, – негромко позвала Станислава Матвеевна, заглянув в класс посреди урока, – тебя к телефону.

В учительской, услышав в трубке Танин голос, он вздрогнул и почувствовал слабость в ногах.

– Встретишь меня после работы? – спросила она после приветствия.

Он промолчал, не понимая, что должен ответить.

– Денис?

– Да?

– Снег идёт.

Он инстинктивно обернулся к окну и увидел порхающие за стеклом снежинки.

– Первый снег, – сказал тихо.

– Динь, давай погуляем вечером? Я соскучилась...

К вечеру выпавший снег растаял. Воздух стал влажен, та-

кое ощущение, что ещё чуть-чуть и в нём можно будет плавать, как в воде. Под ногами хлюпает. Уличную темноту разжижают редкие слабо тлеющие фонари. Они идут по узенькому тротуару, мимо них по усеянной выбоинами дороге изредка проползает какой-нибудь автомобиль. Молчат. Он просто не знает, о чем сейчас говорить; почему молчит она – да откуда ему известно? Мало ли что у неё на уме? Может, сейчас сообщит, что больше не хочет его видеть, чтобы больше не звонил, не приходил и не беспокоил? Но он ведь и так не звонил и не приходил. Сама позвала. А может... Да мало ли что она может выдумать?! Чужая душа – потёмки. Особенно женская.

– Динь, ты обиделся? – спрашивает она, беря его под руку.

– На что?

– На меня... Что я... – она умолкает. У очередного фонаря, наконец, говорит: – Ну, что тогда убежала, пропала, не звонила, ну, и вообще... Обиделся?

Обиделся ли он? Да если бы она знала, как он обиделся. Но не на неё, на себя. Как он злился на себя, укорял в том, что полез к ней с поцелуем. Но не может же он так ей и сказать: места себе не находил, считал себя последним дураком. Смешно...

– Нет, – отвечает он.

– Хорошо, – говорит она, улыбнувшись, и прижимается к его плечу своим.

Они проходили по городу около часа. Таня рассказывала

ему о том, чем занималась на протяжении трёх недель: как ходила на работу, как неожиданно нагрянула ревизия, как они с напарницей целую ночь не спали, приводя в порядок документы. Он слушал, иногда произносил что-нибудь общее, ничего по сути не значащее.

У двери в её подъезд она взяла Дениса за отворот куртки, легонько потянула к себе. Их второй поцелуй был таким же мимолётным, как и первый, но сразу после него Татьяна не убежала. Они простояли ещё с минуту, глядя друг другу в глаза. Потом она улыбнулась, сказала:

– До завтра.

И вошла в подъезд.

Домой он не шел, как на крыльях летел. В душе и во всем теле царилла какая-то удивительная легкость, какой-то чудесный подъём. Если бы попросили описать эти ощущения словами, он не смог бы. Хотелось спеть что-нибудь или хотя бы просто крикнуть. Сдержался с трудом. Дома плюхнулся на кровать и заснул моментально, не успев ни раздеться, ни принять душ.

Теперь они встречались каждый день, за редким исключением, когда либо он вынужден был посвятить себя семейным делам, либо она задерживалась на работе дольше обычного. В будние дни он провожал её от аптеки до дома, в выходные они ходили в кино, кафе или в гости – как правило, к её знакомым. Конфетно-цветочный период. Всё хорошо – лучше некуда. Вот только он всё сильнее ощущал по-

требность в деньгах. Той суммы, что обычно оставлял себе на расходы после получки, стало не хватать. Не хватать всё острее. Отдавать матери меньше он не мог – не позволяла, что ли, совесть... или что-то ещё. Да и отцу в частной клинике областного центра посоветовали сделать операцию, говорят, на ноги встанет! Тогда он и обратился к Саше. Обещал ведь помочь при случае. И Саша помог. Тут очень кстати пришелся старый Денисов «пенёк» – по нынешним меркам ни на что не годный, разве что тексты в «Word» набирать. Вот Денис и стал набирать то, что подкидывал ему Саша. Вечерами, после работы. Засиживался допоздна, порой далеко за полночь. Зарабатывать таким образом получалось не много, но на подарки и цветы – самое оно. Несколько раз ему посчастливилось переводить на заказ с английского – тут уже платили побольше. Чем больше текст, тем выше оплата. Да и работа интереснее – не просто тупо стучишь по клавишам, приходится напрягать мозг.

Пятнадцатое декабря. Денис с отцом сидят за столом на кухне. За окном темно. В отблесках электрического света медленно кружат снежинки. Они крупные, разнообразной формы. Ударяются в стекло, сползают по нему на подоконник, задерживаются там, собираясь в миниатюрный сугроб. Изредка какая-нибудь проскальзывает в приоткрытую форточку, подвиснув в воздухе, замирает на мгновение и, вздрогнув, исчезает. Неразборчиво бубнит радио. Отец курит редкими затяжками, стряхивая пепел в ручной рабо-

ты деревянную пепельницу: косматый домовой с лукошком в руках. Денис читает журнал, частенько бросая взгляды на настенные часы. На плите над зажженной конфоркой кастрюля с борщом. Вот-вот с работы придёт мама, полчаса уже как должна прийти. Будут ужинать.

Наконец щелкнул замок, скрипнула дверь, брякнули ключи, занимая своё место на гвоздике у трельяжа. Услышав это, Денис спешит расставить тарелки. Мама вошла в кухню раскрасневшаяся с мороза. Ставит у мойки пузатый пакет.

– Ждёте? – спрашивает, окинув их взглядом.

– Угу, – отвечает Денис, наполняя тарелку борщом. – Мои руки.

– Спешешь куда? – она заметила его суетливость.

– Угу.

– К Татьянке небось?

– Угу.

– Ну, привет передавай. Что ж она не заходит, а? Стесняется что ли? Так скажи, приглашаю. Пирог испеку, посидим, чайку попьём. А то уж сколько времени гуляете, уж на работе бабы говорят, мол, видели твоего-то с дамой. Идут, мол, довольные, под ручку. А я-то с ней и не виделась до сих пор. Будто чужие.

– Ладно, – отвечает Денис.

– Ну, смотри, а то сама к ней в аптеку пойду! – произносит мама, легонько потрепав его по загривку. – Жених. А, отец? Жених ведь. Того и гляди в ЗАГС, а?

– Ладно тебе, мать, – говорит отец, покачав головой. – Чего к парню лезешь? В ЗАГС, не в ЗАГС – сами разберутся, не маленькие уже. Так ведь, сын?

– Разберёмся.

– Ну, вот и я о том. Садись-ка, мать, ужинать!

– Сажусь, сажусь. А она девка-то знатная. Симпатичная и умница, а?

– Мать!

– Ну, всё, всё, отец. Молчу.

Долго молчать у неё не получилось, проглотив три ложки борща, говорит:

– Зою видела сегодня.

– Какую Зою? – уточняет отец.

– Ну, как какую? Надину сестру двоюродную.

– А... Ну и?

– Пашку-то, Надиного сынка, осудили на днях. Три года колонии.

Отец вздрогнул, отложил ложку. Сглотнул тяжело.

– За овцу?!

– За неё.

– Вот ведь... Угораздило...

– Так пить и дурью маяться не надо было!

– Ну да... Но всё же...

– Всё же – то же... – недовольно цедит мать. – Догулялся балбес. Олух олухом – натурально. И на суде, Зоя сказала, всё хохмил. Иду, говорит, дождь льёт, сыро, слякотно, гля-

жу, она под деревцем стоит, мокрая, дрожит вся, и так мне её жалко стало... с собой и прихватил, чтобы не мучалась. Доброе, стало быть, дело сделал, – качает она головой. – И так, стервец, весело, с куражом, это рассказывает, что даже судья смеялся.

– Мда... – произносит отец задумчиво.

– Смеяться-то смеялся, а срок прописал. А ведь какой парень был! Трудовик—то ваш школьный, – кивает Денису, – говорил, золотые руки у Пашки, и механик наш потом тоже отмечал за ним способности. Эх, к рукам этим ещё бы и голову поумнее. Ведь предлагали же ему, лоботрясу, родители учиться, дядька же у него в Москве в каком-то институте не последний человек, помог бы в люди выбиться, но нет. Ему бы всё тут ошиваться, водку пить, да Ваньку валять. Вот и довалялся. Тьфу!

– Три года... – произносит отец почти шепотом. – Всю жизнь парню поломать могут... Молодой ведь, жизни не видел и в тюрьму...

– Поломать, – с сомнением в голосе откликается мама. – Ярик-то Тихомиров неплохо устроился после отсидки. Видела недавно. Гоголем ходит, с иголочки весь, а не слышала я, чтоб хоть где-то работал. То на базаре отирается, то у ларьков, то в кабаке деньгами сорит – рассказывали. Говорят ещё, что с Казаряном снюхался – то ещё жульё. А сын вот твой, – опять кивает на Дениса, – отучился, работает, и что? А тот отсидел и в короли!

– Ну, кому король, а кому и... – морщится отец брезгливо. – Будет тебе, мать, считать чужие деньги!

– Чужие... – бурчит мать в ответ. – Посчитаешь чужие, когда всю жизнь убивался, а своих не скопил.

– Вот же язва ты у меня, – усмехается отец. – Ну что ж, что не скопили, зато парень у нас какой вырос! В деньгах ли счастье?

– Парень, – вторит мать примирительно. – Парню бы этому в Москву или хотя бы в область... А то ведь, не ровён час... Жизнь-то тут, сам знаешь... Пашка тоже рос...

– Мать! Не каркай! Ну, что как ворона разошлась! Парень у нас правильный, заживёт ещё и лучше нашего!

Оставив родителей препираться, сколько им будет угодно, Денис выскользнул из кухни, быстро оделся, прихватил заранее заготовленный букет и вышел на улицу.

Морозно. Снег скрипит под ногами. От тусклых фонарей на снегу желтые кляксы. Денис идёт по тротуару вдоль дороги. Можно было бы пройти дворами – так короче, но время ещё есть. Таня ждёт его к восьми, так что можно и прогуляться. Машин почти нет, иногда какая-нибудь прошмыгнёт или протащится, оставляя за собой след из дыма и пара. Денис разглядывает их, но без особого интереса. Надо же на что-то смотреть. Не в кусты же, облезлые и низкорослые, тянущиеся по другую сторону тротуара. Очередная машина, цвета воронёной стали «БМВ», резвенько пробежала мимо, но метров через пятьдесят лихо тормознула и, постояв, сдала

назад. Наползает медленно, мерно гудя двигателем и иногда пробуксовывая по наледи, скрытой под снегом, задними колесами. Поравнявшись с Денисом, останавливается, коротко всхлипывает клаксоном. Бросив взгляд на тонированные стёкла, Денис проходит мимо. Чёрт знает, кто там и чего им нужно.

– Эй! – звучит ему вслед. – Подвезти?

– А я смотрю, ты идёшь, – говорит Ярик, распахивая перед Денисом дверцу. – Садись.

В салоне пахнет табаком и кожей. Тепло. Кресло упруго проминается, принимая контуры тела. Автомобиль плавно трогается с места, неощутимо для пассажира набирает скорость.

– Твоя? – спрашивает Денис, обведя салон взглядом.

– Ага. Ашот подогнал. Ничего так тачка, да?

– Вполне.

– Не новье конечно, трёхлетка, но для начала – самое оно.

К подруге? – спрашивает, взглядом указав на покоящийся на коленях у Дениса букет.

– Да.

– Видел недавно вас. Клёвая она у тебя. Фигурка – класс!

Как зовут?

– Татьяной.

– Буду знать. Да, для такой девочки ничего не жалко, никаких денег. Для такой можно и постараться. Ты ей колечко с брюликом или ещё чего, а она тебе... – хохотнув, он многозначительно подмигивает Денису. – Куда рулить-то?

– Знаменская двадцать один. Знаешь?

– А то.

Ярик берёт с приборной панели пачку «Парламента», закуривает.

– Ты-то как? – спрашивает у Дениса.

– Нормально.

– Всё в школе?

– Да.

– И как?

– Нормально.

– Ну-ну.

Дальше они ехали молча.

Уже, когда Денис, пожав на прощание руку Ярославу, вышел из машины, тот окликнул его, сказал:

– Ты это, если чего... Деньги или там что... обращайся. Чем смогу.

В этот вечер он впервые оказался у неё дома. Даже когда в школе бегал за ней, не удосужился побывать здесь. Квартира трехкомнатная, но небольшая. Мебели немного, зато подобрана со вкусом. Уютно. Как только войдёшь в зал, сразу же хочется устроиться в глубоком кресле рядом с имита-

цией камина и поговорить о чём-нибудь эдак размеренно, вполголоса, без «углов», чтобы с тобой соглашались и ты соглашался с услышанным. Сейчас в центре зала накрыт стол. На двоих. Танины родители уехали в соседний городок навещать родственников, и по этому случаю влюблённые решили провести вечер в домашней обстановке, а не в кино или у кого-нибудь в гостях. На столе, среди закусок, в высоком подсвечнике горит свеча. Бросает блики на бутылку «Киндзмараули», заставляя вино переливаться рубиновым.

Пока Денис разглядывает комнату, Татьяна чем-то занята на кухне. Свидетельствуют об этом позвякивание посуды и удары ножа по разделочной доске.

– Помочь? – окликает её Денис.

– Нет, я сейчас.

Она появилась на пороге, держа в руках блюдо с разрезанной на куски запеченной курицей. Денис спешит раздвинуть на столе тарелки, чтобы освободить место. Водворив блюдо на стол, Татьяна окидывает итоги своих трудов придирчивым взглядом. Поправив салфетки в слафетнице, улыбается чему-то. Денис отодвигает стул, приглашая её сесть.

...Они ужинали, пили вино. Денис нахваливал её кулинарные способности. Таня рассказывала ему о работе: как порой утомляет; какими смешными и вредными бывают посетители аптеки. Как порой норовят излить душу, особенно одинокие старики, посетовать на жизнь, на то, что дети и внуки бросили их. А ещё в аптеку повадились ходить

наркоманы. Покупают «Нафтизин». Исхудавшие, бледные, как покойники, глаза запавшие, смотрят бессмысленно. Ей страшно. А вчера утром, она сама не видела, напарница рассказала, одного такого нашли рядом с аптекой замерзшим насмерть. Молодой совсем парень, почти мальчик. И куда только смотрят родители? Он искренне посокрушался, подбодрил её, и подумал про себя, а нет ли среди его учеников тех, кто может вступить на эту, ведущую в никуда, тропинку?

Свеча оплыла до половины. Настенные часы показывают без пятнадцати двенадцать. Ему пора.

Когда он вышел в прихожую, чтобы одеться, она подошла к нему сзади, обняла за плечи. Её дыхание касается его шеи, от чего по коже пробежали мурашки.

– Останешься? – спрашивает тихо.

Неделя, а Танины родители уезжали на неделю, пролетела незаметно. Целых семь дней Денис и Татьяна провели вместе. После уроков он ненадолго забегал домой, повидаться с отцом и мамой, когда та не была на дежурстве, а потом спешил в Танину квартиру, чтобы приготовить что-нибудь на ужин. Вечером он встречал её у аптеки, и они, если позволяла погода, гуляли по городу. У него щемило сердце, когда они подходили к двери её квартиры – сейчас их общему дому. Совместная жизнь. Ему хотелось, чтобы она продолжалась вечно. Им же так хорошо вместе: и днём, и ночью.

Но, как говорится, всё хорошее когда-нибудь кончается.

Вернувшись в родительский дом, он не на шутку затосковал. Если бы не конец года, бы совсем сник. Контрольные работы, выставление четвертных и полугодовых оценок – всё это заставляло его держать себя в тонусе. Вскоре наступил новый год.

В ночь на первое января под бой курантов в компании отца и мамы он выпил шампанского. Телефонная линия, была ужасно загружена, раз за разом в трубке царили короткие гудки, но он был настойчив. Услышав наконец-то Танин голос, ощутил щемящую боль в груди. С трудом сдерживаясь от того, чтобы не сказать, как он сейчас хочет быть с ней, обнимать её, прижимать к себе, поздравил. Во втором часу, устав пялиться в телевизор, ушел в свою комнату и до утра, не смыкая глаз, провалялся в кровати. Не спалось не оттого, что из зала доносились голоса из «ящика», смех и реплики родителей, а потому что мечтал. Мечтал о том, как они с Таней могли бы провести эту ночь. Не сложилось. Но ничего, всё ещё будет. Не последний же Новый Год, в конце концов. Ещё как будет! Всё будет хорошо, просто отлично!

Утром уселся за перевод. Сейчас не за деньги. Чайкин подкинул статейку про французскую революцию. Денис не сомневался, Игорь Аркадьевич отлично бы справился и сам, просто так он выказывал уважение к молодому коллеге, мол, куда мне, старику, ничего я в этом не понимаю, переведу, конечно, но кое-как. А вот ты! Ты куда как лучше сделаешь, Денис! Впрочем, и я попробую, сказал тогда

Чайкин, а потом сравним, что получилось. Денис постарался, не просто так перевёл, а сделал литературную обработку, чтобы читалось легче и интереснее. К обеду он переписал статью на русском уже три раза – пока окончательно не убедился в отсутствии ляпов, неточностей и «кривизны» фраз. Перекусив наскоро, отправился к Чайкину. Конечно, первое января не самый лучший день для деловых визитов, можно и не застать хозяина дома, или застать, но не в состоянии, располагающем к серьёзному деловому общению. Именно в таком состоянии Игорь Аркадьевич и оказался. Слегка навеселе, раздурманенный, по грудь обмотанный простынёй, он распахнул перед Денисом калитку.

– Денис! Проходи!

– Да я... – засомневался Денис, – не во время, наверное.

Вот... – он протянул Чайкину листки с переводом.

Чайкин бегло прошелся взглядом по первому из них.

– Э-э-э... Ну, ты, друг, даёшь... Первое же число! Проходи!

Он схватил Дениса за руку и потащил в свои владения – частный дом с участком и банькой. К ней они и идут.

– Понимаешь, Денис, – сообщает Чайкин по дороге, – братко мне приехал. Жену с дочкой я к родителям сослал, отдыхаем! Перевод – это хорошо, но не сегодня. Лады? Сейчас попаримся!

В предбаннике за столом из обструганных досок сидит голый толстый мужчина с пышными усами и густой курчави-

стой, покоящейся на внушительных объёмах животе, бородой. Перед ним на столе две стеклянных пивных кружки.

– Вот, батюшка, коллега мой Денис Стрельников, извольте любить и жаловать! – обращается Чайкин к мужчине. – А это, отец Виталий, – представляет бородатого Денису.

– Ну, будет уже тебе, будет, – хмурится бородатый.

– Раздевайся, – командует Чайкин. – Давай за стол! Пива выпьешь?

– Можно, – соглашается Денис, стягивая одежду.

Из-под стола Чайкин достаёт полторашку пива, из шкафчика, примостившегося на стене рядом с миниатюрным, смотрящим на забор, окошком – ещё одну кружку.

– А ты, отец Виталий, – ухмыляется, – продержишь нас?

Отец Виталий медленно и величаво кивает в ответ.

– Ну, так! – восклицает Чайкин и принимается разливать пиво. – Церковь, как говорится, она всегда с людьми.

– М-м-м, – мычит отец Виталий и недовольно морщится. – Всё ёрничаешь.

– Почему ёрничаю. Я, может, от души!

– Да уж, душа у тебя... – произносит отец Виталий. Покусав краешек усов, спрашивает: – Ты в церкви-то когда последний раз был?

– Хм... не припомню...

– Так сходи, исповедуйся. Глядишь, вся желчь из тебя и выйдет! Колючки отвалятся. Храм-то душу смягчает! А то она у тебя как спина у дикобраза.

– Ага, и колючки отвалятся и хвост отсохнет... – смеётся Чайкин.

Денис тем временем разделся и уселся на краешек стоящей у стола скамьи.

– Угощайся, – придвигает к нему кружку Игорь Аркадьевич.

Пиво холодное густое, желудок пустой. Оно тяжело плюхается в него. В голове сейчас же образуется хмельной туман. Сделав несколько больших глотков, Денис прислоняется спиной к стене. Оттесняемый хмелем на край сознания и слуха, звучит голос Игоря Аркадьевича:

– Вот ты, Виталик, как думаешь, кто ты: священник или поп?

– Тьфу ты! – мотает отец Виталий головой, словно отгоняет назойливую муху. – А разница?

– Ну, как... Священник – это от Бога. Святой человек, человек Света. Сподвижник. Духовный наставник. А поп... – Игорь Аркадьевич чешет затылок. – Поп – это от Лукавого. Агент сатаны.

Лицо отца Виталия багровеет так, что кажется и борода стала красной. Щёки и живот его надуваются.

– Вот посмотришь на иного служителя церкви, – продолжает Чайкин, – и видишь – священник! А на другого глянешь – ни дать, ни взять поп. Заслал его сатана, чтобы примером его людей смущать. Подъезжает такой к храму на каком-нибудь джипе... вот у тебя, Виталий, джип, так?

– Ну...

– Вот выходишь ты из своей пятикомнатной на Арбате, едешь к храму на своём джипе, и там учишь верующих, как им жить. Дескать, отриньте всё мирское, не гонитесь за богатством, ибо богатому в рай попасть сложнее, чем верблюду через игольное ушко просочиться, настаиваешь, чтобы не о брэнном теле, а о душе заботились. А после службы с попадъёй в ресторан – балычок, икорка, шашлычок, судачки порционные «а-ля натюрель». Ты уж прости, Виталик, но поп ты и есть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.